Смирнов С.С.

Непередаваемые прелести советской Прибалтики

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вашему вниманию предлагается некий винегрет из беллетристики и капельки публицистики. Итак, об ингредиентах. Сначала – беллетристика.

В общем, был у латышей веками чистый национальный праздник. И пришёл к ним солдат-освободитель. Действительно освободитель, кровью и жизнями советских людей освободивший их и от внешней нацистской оккупации, и от нацистов доморощенных – тоже. И давший им впоследствии столько, сколько, пожалуй, никому в СССР и не давал. От себя нередко отрывая. Да по стольку, что все прибалтийские республики «витриной советского социализма» звали.

Но было над тем солдатом столько начальства… От отца-взводного и аж до Политбюро ЦК КПСС. И Политбюро это (а вместе с ним и сявки помельче) полагало, что «в чужой монастырь со своим уставом соваться» – можно. А в «уставе» том было сказано не только о монастырях: там о всех религиях, начиная с язычества и по сей день, было написано, что это – идеологический хлам, место которому исключительно на свалке истории…

Вот так и превратила «мудрая политика партии» чистый и светлый национальный праздник в националистический ша́баш и оплот антисоветского сопротивления. И кто знает, может то, что делалось в советские времена с этим праздником – тоже частичка того, что стало, в конце концов, и с самим СССР?..

А второй ингредиент – публицистика. Он – с цифрами. Но их немного и они – не скучные. Текст, собственно, не для «всепропальщиков». Эти – безнадёжны. Он для кем-то убеждённых в том, что Рабочее-Крестьянская Красная Армия (а вместе с ней и Рабочее-Крестьянский Красный Флот) безудержно покатились 22-го июня 41-го года от границ СССР и аж до самой Москвы. Вот там коротко и рассказывается, как они «катились». Пять месяцев. То есть полгода почти. В первые недели которого немец был разгромлен под Кандалакшей и за всю войну смог потом продвинуться на том направлении – всего на четыре километра. Как тоже четыре, только месяца уже из пяти дралась в глубоком немецком тылу Брестская крепость. Как 72 дня оборонялась Одесса, сдав город – день в день! – как немец подошёл к Москве. А «катилась» РККА пять месяцев ровно то самое расстояние, которое нынешний турист-автомобилист на навьюченной тачке менее, чем за сутки преодолевает…

- Сергей Смирнов
  - Глава первая. Местный колорит
  - Глава вторая. Дружба народов
  - Мы наступали с первых дней

Сергей Смирнов
Непередаваемые прелести советской Прибалтики

Глава первая. Местный колорит

Да-а-а… Рига – прекрасный город. И «Цветочная» улица, на которой и про Штирлица снимали, и про Холмса тоже. Она за Домским собором прячется, слева. А на ней прекрасный ресторанчик (уж и не помню, как назывался) с полуподвальным баром, с глиняной посудой, который иначе, как средневековый трактир и не воспринимался – такое там было всё прочное, мабутное и состаренное. Учредителями (тогда и слова-то такого не было!) у него были охотхозяйство, рыбсовхоз и Курземский пивзавод – вы представляете, какая там была кухня?!! Недавно приехавший из Латвии знакомый – живёт там – говорит, что нет его уже. Давно нет.

В центре Риги, недалеко от вокзала, был музей Латышских стрелков. Экспозиция, выдержанная вполне в духе большевистской пропаганды, была, тем не менее, интересной – кое-что из ранее неизвестного, нам, молодым морским офицерам, удалось для себя почерпнуть. На площади спросили дорогу у благообразного седого старичка в клетчатом кепи. Он не сослался на незнание города и на незнание русского языка, а, напротив, приятно уху растягивая гласные, очень благожелательно и обстоятельно нам всё разъяснил. А затем, сладко прищурившись на регалии флотских мундиров, проговорил:

– А всё-таки Ленин не доверял русским.

– Это почему? – ошарашено спросили мы.

– Ну-у-у… Его же даже в Кремле наши стрелки охраняли!..

Едем автобусом из Калининграда в Лиепаю. Советск. На прилавках – шаром покати. Пересекли мост через Неман – Литва. Два шага, и – изобилие!!! Ну, колбасу и хлеб на глаз ещё как-то узнать можно. На банках же и упаковках – ни одного русского слова. Русский язык, как по уговору, тоже все позабывали. Купили пачку масла в дорогу. На бутерброды. В автобусе оказалось – маргарин.

Шилуте. Автовокзал. Ворота в социалистический запад – в Прибалтику. Вокруг площади в тени вековых лип – уютные домики-прилавки, плетёные из лозы. Шашлыки, сортов пять разливного пива вплоть до тёмного. К пандусу подъезжает калининградский автобус. Выходим. Ларёчки, только что так манившие сквозь автобусные окна… закрыты все до единого. Стоянка – всего полчаса.

Паланга. Долго едем пригородом, любуясь игрушечными коттеджиками по обеим сторонам дороги. Неожиданно справа домики обрываются и открывается площадь, мощёная

красноватой плиткой. По периметру – магазины, магазинчики, лавчонки, кафешки и ресторанчики. Мы, оказывается, давно в городе – это ж автовокзал!.. Стоянка полтора часа. Пробираемся к передней двери, на ходу обсуждая меню предстоящего обеда. Водитель, дождавшись пока мы с ним поравняемся, прищурился и спросил:

– Ребят, а у вас «гражданка» есть?

– Есть, а что?

– Ну, вот и переодевайтесь. Чтоб успеть за полтора часа пообедать!

Наконец, въехали в Латвию и скоро Бернаты уж. В Бернатах надо бы остановиться. Дел на копейку – передать посылку начальнику погранзаставы. Правда, следующий автобус только вечером, но до Лиепаи осталось-то чуть больше десятка километров. И просили нас очень… Да доедем уж как-нибудь!.. Пошли искать военкомат или комендатуру – знали только позывной оперативного телефона. Часа через два стало казаться, что попали в город глухонемых. А так как Бернаты, по сравнению, например, с недавно проследованной Палангой – дыра дырой, то ещё и довольно агрессивных глухонемых. Всё это вкупе с июньской жарой начинает уже порядком доставать. И тут напарываемся на гарнизонный патруль. К тому же сухопутный. По давно выработанной привычке напрягаемся и приводим в порядок форму одежды – сдвигаем фуражки с затылка на положенное им место. Но «сапоги» нас уже заприметили и прибавили ходу в нашу сторону. Вот, бль-ль… ля-а-а-а!.. Руки сами зашарили в поисках документов.

Начпатруля подлетел и, на ходу козырнув, спросил с удивлённо расширенными глазами:

– Ребят, вы чего тут?

Несколько опешив от «ребят», объяснили, что так, мол, и так, продолжая мять в руках удостоверения личности и командировочные предписания, которые, судя по всему, никто и не собирался у нас проверять.

– А когда автобус ваш?

– В 23.15.

– Та-а-ак… В комендатуру пошли!

– Да мы ща машину поймаем, ящик вот завезём и – в Лиепаю!..

– Не-не-не-не! В комендатуру давайте!..

– Да за что в комендатуру-то?!!

– Давайте-давайте… Лиго сегодня, а там вам ништяк будет – специально караул от ВДВ выхлопотали!

Чего сегодня нам будет ништяк от ВДВ? Не уловив логики и

ничего не поняв, сбитые с толку, мы поплелись за начальником патруля. Бойцы-патрульные расхватали наши пожитки и мы двинулись в комендатуру маленьким, но грозным подразделением аж с тремя офицерами во главе.

Часа через два с половиной во двор комендатуры влетел взмыленный УАЗик и из него в ядовито-зелёной фуражке вылез «пятнадцатилетний капитан» погранвойск. В смысле, капитан, который, судя по возрасту, уже лет пятнадцать, как звёзду майора ждёт. Он сухо, со стальным прищуром – видимо, сказывалась долгая жизнь в по-гранзоне – выспросил нас об обстоятельствах нашего возможного отъезда и тоном, не терпящим никаких возражений, подытожил:

– Поехали ко мне в хозяйство. Грузите манатки в бобик.

– Да спасибо, капитан, не надо! Нам тут ехать-то шиш да ни фига осталось – к тебе больше промотаемся!..

– Завтра дам машину, бойца… Доставлю до места в лучшем виде. Вам в Вентспилс? – спросил он абсолютно, как местный, с ударением на последний слог.

– Да ну-у-у… В Лиепаю нам. В Тосмаре даже!

– Тю-у-у! Тут ехать-то!..

– Так и я говорю…

– Всё! В Лепаю, так в Лепаю, – опять «по-местному», опуская «и» и делая ударение на «е», проговорил капитан, – Дома договорим. Тем более, что по дороге нам – мне самому завтра в Вентспилс надо.

– Концы, однако…

– Чё-о-о-о?!!

И капитан… преобразился! Серые стальные глаза совсем спрятались в лучиках морщинок, идущих от них к вискам, и весь он как-то подобрел, что ли?.. Улыбающийся во весь рот капитан стал совсем похож на нормального человека, и, видимо, даже хорошего мужика, а не на солдафона, заряженного на исполнение служебного долга.

– Мила-а-ай!.. Какие концы?! Где ты здесь концы-то увидал?!! Я вот с Алтая сам. С-под Барнаула, слыхал? Так вот как они тут с Литвы в Эстонию ездят, мы там так по девкам шляемся! Сибирь же, мать её!.. А здесь чего? Три плевка на карте! Тя как звать-то? Серёгой? Ну, во-о-от… А я – Лёша.

Где-то после часа езды Лёша гордо обвёл горизонт рукой и провозгласил:

– Вот. Моё хозяйство. Охота. Рыбалка – и, помолчав, добавил – Грибы-ягоды, мать их…

Вдалеке, справа от дороги, показалась ярко жёлтая будка с синей полосой, а рядом с ней такой же мотоцикл с коляской.

Странно… По нашим меркам – глухомань: асфальтовая однорядка без бордюров, справа и впереди – лес стеной, слева – поле до горизонта, а будка-а-а!.. И не будка даже, а вполне комфортабельный финский домик – свежевыкрашенный, аккуратненький… Ну, как с картинки! Такой вот сельский пост ГАИ.

Показался и гаишник. Несколько мгновений он вглядывался в нашу машину, потом вдруг повернулся к нам спиной и замер. Затем, как бы размышляя, сделал пару нерешительных шагов в сторону поста и… твёрдой походкой направился вовнутрь.

– От-сссу-у-у… – выдохнул Лёша, и в голос добавил – Кирюш, притормози.

Капитан вылез из УАЗика и, выбрав точку ровно посередине между УАЗиком и постом, остановился, широко расставив ноги, склонив голову набок и заложив руки за спину. Секунды шли…

Наконец, на пороге нехотя показался сержант-гаишник. Длинный, белобрысый и невыразительный – в фуражке, форменной рубашке с короткими рукавами и расстёгнутым воротом. Чуть помедлив, он вразвалочку пошел к капитану и, подойдя, отдал честь рукой, на запястье которой болтался полосатый жезл. Алексей, не дослушав рапорта, перебил:

– Почему не досматриваем машины, въезжающие в погранзону?

Сержант выпучил глаза и начал – Я-а-а-а…

– Ты!!! Ты-ы-ы… – Алексей задохнулся и, не меняя позы, весь подался вперёд, что казалось, будто вот-вот рухнет на гаишника. Дальше пошёл текст не для радио. Хотя видеоряд был замечательный: сержант долго и мучительно застёгивал ворот, борясь с острым кадыком, бегал на пост за галстуком, потом за заколкой для него, перекладывал жезл в левую руку, проверял ребром ладони правильность кокарды и изредка блеял что-то невразумительное…

Когда чуть отъехали, Алик, мой спутник в скитаниях по Прибалтике, спросил:

– Лёш, так ты здесь «царь и Бог, и воинский начальник»?

– Погранзона, режимный объект. Моя власть тут – верхняя. И напомнить об этом лишний раз ой, как нелишне. Тем более, что всегда есть кому… – Алексей заметно помрачнев, зло и свистяще повторил – «Здесь-сь-сь, здесь-сь-сь…» Я здесь, скорее, как комендант осаждённой крепости. Вылазками пробавляюсь…

– Ну, так ведь есть закон о Государственной границе? Се-се-сер, вроде. Наша территория…

– Ты её метил, территорию-то эту? А я вот, вишь, только этим и занимаюсь… Понимаешь, Олег, в этих местах, как последний

схрон засыпали, ещё и тридцати лет не прошло. Помнят… Мать их. Мно-о-огие помнят.

Съехали на просёлок, а потом и просто в лес с едва угадываемой колеёй, и под шуточки, что Лёха служит «там, где кончается асфальт», нас прищучил секрет, буквально из воздуха материализовавшись перед капотом. На просеке стояли два здоровых молодца, и один из них подавал машине знаки остановиться. Оба были с расстёгнутыми воротами гимнастёрок, но с белоснежными подворотничками. Оба с засученными рукавами. У обоих на пузе «калаши». Секрет-то секрет, но вывалили они почти всем нарядом – позади, на самой опушке стоял ещё один боец, а рядом – «хвост» с немцем-кобелём на поводке. Видимо, знали, кто едет. Ждали…

– Мои, – самодовольно обронил Лёха и полез наружу. Инспектировать. Надо сказать, что инспекция прошла без демонстрации приёмов строевой выучки «на месте, в движении и с оружием». Погранцы просто и очень по-свойски что-то обсудили, Лёха пару раз махнул в сторону поста ГАИ, один из бойцов глянул на часы и вся хевра, элегантно откозыряв, исчезла, растворившись в лесу…

Уже глубокой ночью (хотя и стемнело почти только что) под навесом бревенчатой бани, которую бравые «мухтары» срубили на берегу лесного озера, сидели распаренные начзаставы Лёха, его замполит Юрий, его старшина Иван Филиппыч и мы. Нам с Олегом было довольно строго заявлено, что гуляем всю ночь. Польщённые вниманием, мы не очень-то и возражали. Стены сруба были украшены огромными и пышными венками из дубовых веток и простеньких цветочков вперемешку с дубовыми же банными вениками. Такие же венки и веники были развешаны под потолком самого навеса и на его опорных столбах. По углам открытой импровизированной терраски стояли кадки и вёдра с папоротником, а весь порог, ведущая на неё лесенка и перила терраски были усыпаны свежесрезанной крапивой. Аромат от всего этого стоял потрясающий!..

В центр струганного стола водрузили большое блюдо, буквально заваленное сыром самых разных сортов, причём о существовании некоторых из них я доселе и не подозревал. Вокруг всё было уставлено плодами «охоты-рыбалки», а оставшееся пространство – запотевшими результатами «вылазок» из «осаждённой крепости». Количество запасённого кроме всего прочего пива поражало. Подступы к бане периодически оббегал огромный, почти чёрный мохнатый пёс с прямым по-волчьи хвостом – Айсарг. Возвращаясь, он тяжело плюхался под навесом среди мисок с едой и газеток с выложенными на них отходами

кулинарного процесса. И ни к чему не притрагивался – то ли учён так был, то ли не мог уже.

Три жены – Лёшки, замполита и старшины – в парную сходили всего раз. Да и то баловство одно – минут на десять перед нами забежали, и выскочили. Столом занялись. А сейчас посылку разбирали. И что странно – посылка была Лёшке, а гостинцы достались всем. Нам тоже всучили по паре толстых носков из собачьей шерсти, «с двойной пяткой». И ехать дальше вообще никуда не хотелось – ни на автобусе, ни не на автобусе…

Неожиданно старшина с супругой активно зашевелились, дав понять, что продолжение банкета будет, и оно – обязательно.

– Да куда?.. – запротестовали было мы с Аликом, но Лёха решительно пресёк пререкания, выложив, с его точки зрения, убийственный аргумент:

– Это так, перекусили пока. А будет – уха. Тройная! – поискав глазами по столу, он нашел «Беломор» и, смачно продув папиросу, закурил, – Пойдём-ка… пройдемся пока.

Поднялись все, включая Айсарга. Нам с Аликом выдали по офицерскому бушлату с коричневыми цигейковыми воротниками, а тельники мы заправили в заранее выданные грязно-песочные штаны-«афганки».

Оказывается, на костре за баней уже закипал полутораведёрный котёл, переделанный из огромной армейской баклаги, а на приставленном к срубу столе были аккуратно выложены все ингредиенты – в порядке будущих закладок. Всё, что нужно, было уже пошинковано, а первая закладка – «ми-и-илочь непотрошёная… зараз с соплями прям» – была укутана в марлю, и к получившемуся довольно объёмистому мешку была привязана чистая бельевая верёвка. На вторую закладку были приготовлены выпотрошенные, без жабр и голов, но в чешуе – окуни с ершами. Эти не были пока упакованы, а просто горкой лежали на большом куске марли. На третью – чудовищные куски судака и щуки. И под занавес, перед самым съёмом с огня – миска чищенных раков! По всему, уха даже «четверная» получалась. И настоящая – пресноводная!..

Засуетившись вокруг баклаги, старшина с женой тут же переругались, потому что она рвалась пассеровать все овощи подряд, а он категорически возражал:

– Нэ надо, я те грю!.. От баба упэртая!!! Шо нэ попросишь зробить, усё – борш-ш-ш… Це ж уха!

– Иды-ы-ы!.. Раскомандовался… – огрызалась та и всё делала по-своему на заранее прилаженной электроплитке. Им никто не помогал, да они и сами никому «нича́го» брать не разрешали, тут же единым фронтом нападая на покушавшегося. Народ, надев на

головы снятые со стен венки, сразу стал похож на какую-то банду леших, и, расположившись вокруг них полуколечком, стал, на чём свет стоит, хаять весь процесс. Женщины то и дело ухахатывались до колик, обзывая старшину почему-то Янисом, а он от них отчаянно отбивался, стараясь избавиться от постоянно напяливаемого на него венка. Замполит притворно качал головой и сокрушался, что нет, не будет, видно, из Филиппыча толку…

– Пошли-пошли… Глянем, – сказал Лёха, увлекая меня к берегу за локоть.

– За папоротником? Веночки-то на прогулочку не оденете? – игриво окликнула нас жена замполита и весело расхохоталась на Лёшкино «вечно ты с глупостями».

– Далеко-то не уходите – у нас ещё купание запланировано!.. – окончательно напутствовала она нас под общий взрыв хохота.

Айсарг начал выписывать «пастушьи» восьмёрки, то убегая куда-то в непроглядную тьму вперёд, то, наоборот, далеко назад, видимо, инспектируя оставшихся. Спустившись к озеру, мы начали огибать его слева и уже довольно далеко ушли. Противоположный берег вздыбился в огромный темный холм с двумя вершинами – правая была чуть пониже. Я поминутно оглядывался, но Лёха уверенно сказал, что нас догонят, и мы начали взбираться на холм, густо заросший кустарником с одинокими, то тут, то там торчащими высоченными соснами, держа всё-таки поправее. Чем выше мы забирались, тем кустарник становился реже. Но не пропадал, а рассыпался по холму уже отдельными островками. Зато появились огромные валуны, тоже разбросанные на холме то по одному, а то и по несколько. Позади раздались едва слышные голоса и весёлый смех, и тьма внизу сгустилась вокруг двух пар чуть более светлых пятнышек – видимо, женщины вытащили на прогулку по окрестностям и Олега с Юрой. Папиросы Лёха забыл и мы, усевшись на огромный плоский валун, курили мои «московские дары» – «Яву» явскую в мягкой пачке. Впереди, метрах в пяти-в шести, на таком же валуне застыл Айсарг – он сидел прямо-прямо, обернув себя тёплым хвостом, и напряжённо смотрел куда-то вдаль…

– Лёш, а где ж граница-то?

– А там, – он махнул рукой в сторону Айсарга, – Прямо. Метров с полста.

– А море?

– А оно, милай, граница и есть.

– Пойдём глянем?

– Пойдём.

Я мысленно приготовился к спуску с холма, но не успел и

трёх шагов сделать, как открылось… море. Море с берега всегда неожиданно открывается и – ошарашивает величием!.. И тут же закололи в лицо миллионы прохладных и чуть влажных иголочек, и – запах. Ни с чем несравнимый запах моря.

Дойдя до камня, на котором сидел Айсарг, я уселся рядом с ним. Море выходило из-под холма спокойным, тихим и темным, тут же осветляясь и к горизонту напоминая уже чашу жидкого серебра. Горизонт – тонкая, с волос буквально, тускло поблескивающая линия от края и до края. А прямо вверх от неё – иссиня-чёрное небо. Кое-где на секунду-две испуганно выглядывали звёзды и тут же прятались в этот чернильный мрак. Луны не было вовсе – видимо, она так странно подсвечивала море откуда-то из-за неразличимых нами туч.

– Погода-то не очень – через полчаса-час может жахнуть, – сказал подошедший Лёха и, ни к селу, ни к городу прибавил, – Жаль, ненадолго…

– Почему это?

– Да всё потому же, – ответил он сухо, как бы закрывая тему.

Левее нас и совсем рядом, кабельтовых в трех-четырёх, густо темнел будто очерченным силуэтом ладненький МПК.

– Граница-то там скорее, чем здесь, – сказал Лёха и указал на противолодочник.

– Бранд-вахта?

– Ага. Коллеги. Закурим, что ли?

Внезапно у «коллег» вспыхнул яркий огонь прожектора. Луч его зайчиком заплясал по воде – сначала беспорядочно, а потом всё спокойнее и, наконец, стал описывать по поверхности плавные дуги, раз за разом всё более приближаясь к берегу. Вскоре зайчик пропал, но прожектор всё также ярко горел и был неподвижен. Было очевидно, что луч его выбрал что-то на берегу и теперь внимательно это «изучает».

– Интересно, что он там нашёл?.. – проговорил я, давая Лёхе прикурить.

– Лиго. Небось, девок голых в дальномер разглядывают.

– Да? Лёш, я уже второй раз за день слышу это слово и, кажется, именно ему обязан твоим гостеприимством.

– А ты что, про Лиго и не слыхал вовсе?

– Да нет… Может, просветишь?..

– Ай, Лёша, Лёша, – обратился он к самому себе, – не подвело чутьё-то! А вообще-то в Прибалтике летом бывал? – спросил он уже меня.

– Ну да… Много раз.

– И в июне?

– А щас что, август, что ли? Да и раньше тоже бывал… Вот в

санатории, в Майори. Да, где-то с середины мая и по середину июня – ровно 28 суток.

– А-а… Значит, 23-го числа тебя уже не было.

– Так, Лёш – сегодня 23-е-то Это что, принципиально так? Так вот он я, здесь…

– Сегодня, Серег, уже 24-е давно. В ночь с 22-го на 23-е – день летнего солнцестояния. А в следующую ночь – Лиго и есть. Праздник такой местный. Для латышей – самый важный в году. Важней, чем Новый год. А для нас – самая большая нервотрёпка за́ год!

– Так может, мы зря припёрлись? У тебя, поди, работы невпроворот?..

– Вполне могло быть и хуже, если б вы вообще не припёрлись. Тем более, что мы его тоже, как видишь, празднуем. Ну-у-у… Как умеем. Но я вашим в Балтийске удивляюсь – день в день послать сюда своих офицеров и… не проинструктировать! Не предупредить даже!..

– Лёш, запугал совсем. Может, ты хоть расскажешь?

– Чё ж не рассказать? Покажу даже. Видишь камни те? – и он указал на нагромождение валунов метров в тридцати вперёд и левее нас, – оттуда всё и откроется, хотя там и пониже. Но там склон совсем лысый и прибрежную полосу аж до самого мыса видно. Пошли что ли? Поднимайся…

Уклон был, но небольшой совсем. Но мы всё равно вынуждены были продвигаться чуть бочком – слева стеной стоял кустарник, уходя влево и назад и снова поднимаясь ко второй вершине, а справа камни стали попадаться всё чаще и чаще, поневоле оставляя нам лишь узкую тропку, ведущую в небольшую впадину между вершинами холма. Айсарг шёл замыкающим, легко перепрыгивая с камня на камень. Сначала внизу ничего, кроме тёмного лесного ковра, нельзя было разобрать. Да и он-то скорее угадывался, чем виделся. Просто потому, что там по логике должен быть лес. Потом справа появилось тускло поблескивающее море, и полоска его становилась по мере нашего спуска всё шире и шире, постепенно забирая всё пространство слева от холма.

– Мы на мысе, что ль, Лёш?

– Да, – коротко ответил он, не оборачиваясь – правой рукой он ощупывал каждый валун, ища точку опоры, а левой держал равновесие.

– А кустарником нельзя пройти?

– Можно. Обдерёмся все…

Позади справа, всего в каких-нибудь десятках метров, послышался разговор.

– Ну, что, Юр? Там они?..! – послышался слегка встревоженный голос Надежды, Лёшкиной жены.

– Припёрлись-таки… Передохнём, – Лёха повернулся. Я протянул ему пачку, но он замахал рукой, – Враз срубят.

– А сами не найдут?

– Не-е-е… Девки сюда не сунутся – ноги переломают.

– А Юрка?

– Что он, дурак, что ли? Он и так допёр, что мы здесь.

– Нет их здесь… Сама видишь, – послышался Юркин голос с того места, откуда мы только что пришли, – Айсарг уже минут двадцать, как не прибегал.

– Ну, вот же окурок лежит!.. Здесь они где-то, – Надежда уже тоже подошла.

– Жена пограничника! – прошептал Лёха, улыбаясь во весь рот.

– Куда ж они подевались-то?..!! – тон Надежды стал раздражительным.

– Образцовая офицерская жена – на Лиго ей нужен муж! – Наташка. Замполитша.

– Юр, ты Наташку не бьёшь?

– Бью, – просто отозвался Юрка. Лёха беззвучно заржал. Там все заржали в голос.

– Ой, он меня так бьё-о-от!.. Он у меня такой си-и-ильный… – Наталья явно висла на муже.

– Надюш, пойдём. Ребята, наверно, уже с ухой ждут, – начал уговаривать Юрка.

– Да ребята твои пока вдрызг не разосрутся, не будет вам никакой ухи. Галка сначала Филиппыча доведёт. И пото-о-ом только за уху вашу возьмётся!.. У них вдвоём-то вообще ничего не выходит…

– Конечно, доведёт. И знаем мы, за что она возьмётся… – сладко потянула Наталья, – Как март – так в роддом – Лиго ж!..

– Наталья!.. – смутилась Надежда. Перед Олегом, видимо, – И слава Богу!

– Конечно, слава Богу. Это я к тому, что кое-что выходит, значит. Вдвоём-то, – все снова заржали, а Наталья начала притворно канючить, – Ю-у-ур… Ну, пойдём отсюда, Ю-у-ур!.. Пойдем на озеро, а? Костёрчик сложим…

– Дождь будет, Наташ. Да и до рассвета не так, чтоб много осталось. Ночь-то самая короткая…

– Ну, Ю-у-ур!.. Ребята дров наготовили. Из расположения бочку приволокли…

– Бочку? Что за бочку ещё? – Юркин голос стал пристрастным.

– Ой!.. Да она старая уже… Рассохлась вся. Филиппыч им са-а-ам разреши-и-ил, – снова начала ластиться замполитша.

– Правда, Надюш, пойдём. Ну, были они здесь. Ну что, ты не знаешь его, что ли? По постам, наверно, двинул… – Лёха молча показал большой палец.

– Ну ладно, пойдем, – сдалась Надежда, – Объявятся, – и Наталья тут же притворно-салонно заворковала:

– Пойдёмте с нами, Олег. Пойдёмте-пойдёмте! Вы нам очень… очень поможете!..

Вот и Алику досталось, – подумал я, – Бедный пацан!

Откуда-то с противоположного спуска с холма послышалось разноголосое «ау-у!..», потом смех и Натальино ласково-многообещающее «ну и чёрт с вами!», обращённое явно к нам.

– Всё. Давай курить, – Лёха выудил из смятой пачки сигарету, чё-то там попытался рассмотреть, и спросил, – У тебя много ещё?

– Как курить будем.

– Ничего, щас достанем… Вот, гляди, – он обернулся к чуть выступающему берегу и показал в темноту рукой, – вон погранзона моя заканчивается. Во-о-он… По границе леса прям. С километр отсюда, чуть меньше… Видишь?

Я честно напрягал зрение, но ничего кроме тёмного клочка берега и серебристой воды, разглядеть не мог. Но тут мне на помощь пришла любопытная бранд-вахта – справа из-за валунов осторожно вылез лучик прожектора и начал ме-е-едленно ощупывать лес. Стало понятно, что здесь – да, именно лес. Потом появилась какая-то проплешина – даже отсюда понятно было, что большая – опять чуть-чуть лес и, наконец, серый однообразный берег. В какую-то крапинку.

– Песок. Дюны пошли. Короче, зона отдыха – пляж… И прочее, – прокомментировал Лёха.

– Что-то россыпей голых девок не наблюдается.

– Е-е-есть они там… Есть. И не одна сотня, поди. И не одних девок. Далеко – даже восьмикратка толком не берёт.

– А что за поляна такая была?

– Личное изобретение – вырубка. Хотел ещё сделать, да и за эту шею так намылили – мама, не горюй!..

– А на фига? Она же в твоей зоне.

– То то и оно – дорога там подъездная. И проходит по моей зоне, по лесу. И ни хрена видно не было. А сейчас, если под фарами идут, всё, как на ладони. А кордон у меня там, аж у самого пляжа. Стало быть, контроль только за выездом. А въезд… Ну ты сам видел, какой там контроль на въезд. Только секретами и спасаюсь! Э-э-эх… Мне б там полноценный КПП соорудить!..

– Ну и соорудил бы!.. Ты ж тут «царь и Бог»!

– Да я уже плешь проел в отряде. И там, кстати, не против. Но… О, Серёг, а ты знаешь, как в Москве контора называется, на которую решение всех этих вопросов на местах повесили? – Лёха хохотнул и торжественно продекламировал, – «Управление по взаимодействию с администрациями временно оккупированных территорий»! О как!!! Понятно, что нужна такая. На перспективу, так сказать, на всякий пожарный… Но под такой вывеской в текущий-то момент можно ж вообще ни хрена не делать. Вот им и подбрасывают… задачки-то. Но можно ж было такое-то подразделение… если уж не заново сформировать, то хоть из управления вывести! Чтоб людей не пугать. А то и так тут некоторые поговаривают, что, по сути-то верно.

– Верно, что «временно»?

– Верно, что «оккупированных».

Я уставился на Алексея, не зная, как реагировать.

– Лёш… А тебя не очень… заносит?

Теперь пришла очередь ему на меня уставиться. Он смотрел недолго – секунду-две. Но очень испытующе. А потом уверенно произнёс:

– Нет, Серёг, не очень. В самый раз.

– Ладно, не бери в голову. Я так… Но ты объясни: здесь погранзона, упирающаяся в море, и сюда – нельзя. Там тоже море. Но туда – можно. В чём разница-то?

– Говорю ж, зона отдыха. Отдыхать людям где-то надо? Надо. Во-о-от. У меня лес до уреза воды. А там – пляж, дюны… Местность открытая. Просматривается. Кстати, тоже моя зона ответственности, но – не погранзона. Не режимная. Патрулируем только. Но сегодня соваться – себе дороже… Ну, поговорили и будя. Передохнул? Полезли дальше – Лиго смотреть. Вот эту кучу справа обогнём и будет тебе… Лиго!

И мы стали карабкаться дальше. За Айсаргом уже – пёс сам сообразил, куда мы идём, и теперь возглавил процессию. Скоро «дорога» стала совсем ровная, без булыжников и растительности, и я выбрался на небольшую площадку, которая справа обрывалась крутым склоном холма, а слева упиралась в нагромождение валунов – мы их всё-таки обогнули. Море теперь было со всех сторон, и никакого Лиго, кроме открывшегося заново противолодочника, не наблюдалось. Оперевшись на крайний валун, на котором опять изваянием застыл Айсарг, меня поджидал Лёха.

– Ну иди, любуйся, – и Лёха сделал широкий приглашающий жест, пропуская меня вперёд. Я вышел из-за нагромождения камней и… обалдел!..

Влево уходил довольно пологий «совсем лысый» склон. Внизу

он всё-таки обрастал растительностью, постепенно превращаясь в лес, выходящий к морю. Берег лежал широкой дугой до следующего мыса – тоже пологого, и к вершине начинающего темнеть – там снова начинался лес. А между двумя тёмными пятнами лесов по берегу тянулась полоса дюн шириной метров в триста, обрамлённая слева редкими корабельными соснами. И от этих сосен до самого берега всё пространство было усыпано десятками… нет, сотнями даже! – оранжевых подмигивающих огоньков!.. Они начинались метров в ста от Лёшкиного леса и в начале попадались редко – по одному, по два-три… Потом всё чаще и больше, расстояния между ними всё сокращались и сокращались и где-то с середины песчаной полосы и аж до самого мыса пляж превращался в море самых разных, каждый по-своему мигающих оранжевых огоньков, будто рассыпанный кем-то бисер. Маленькие, большие, огромные… Сверкающий под ночным небом ковёр!..

– Лёх… Что это? – внезапно севшим голосом спросил я.

– Лиго, – ответил он просто. И, помолчав, добавил, – Костры. Или бочки.

– Какие… бочки?

– Горящие. Бочки жгут. Старые, ненужные. А может, и не очень – хрен их знает.

– Зачем?!!

– А вот чтоб ты, например, из своего далека знал, что они уже празднуют. Кто первый зажёг, тот и молодец!

– А-а… а костры тогда зачем?

– А костры – для другого. Хороводы водить, прыгать через них, рассесться вокруг да попеть хором.

– Прыгать?.. Зачем? Ну… То есть понятно, зачем. У нас, говорят, тоже такие забавы были…

– Во! Молодец, Серёг – были! А у них – есть. Да и не очень забава это – очищает огонь на Лиго-то.

– От чего?

– От скверны, от болезней… От мыслей плохих, от неприятностей нынешних и несчастий будущих – от всего плохого. Для того и голышом купаются. Чтоб очиститься. И обязательно – гуртом.

– Почему?

– По одному – страшно. По одному – нечисть морская утопит. Водяные там, русалки…

– Так это ж сказки!

– Сказки, – спокойно согласился Лёха, – А потом так же гуртом по лесу шарятся, папоротник ищут. Цветущий!..

– Так я слышал где-то, что он, вроде, и не цветёт никогда?

– Да на хрен он им облокотился?!! Голышом, с бабой и в лесу! Ты б искал?

– Свальный грех?

– Не без этого, Серёг. Не без этого… Но рождаемость к весне повышает существенно – статистикой подтверждено. Вот такие вот сказки. А эти сказки тебе ничего не напоминают?

В голове калейдоскопом понеслись голые бабы в венках, сигающие через костры парни с девками, лесные хороводы и прущая к реке, в чём мать родила, толпа… «Андрей Рублёв»!..

– «Андрей Рублёв»?

Лёха вскинул внимательный взгляд:

– Видел, что ли?

– Случайно. Жена в Москве на какой-то клубный показ вытащила. Полузакрытый…

– Вот и я тоже. Не случайно, правда. В Риге. На курсах. Так сказать, повышения квалификации… командного состава погранвойск. В качестве примера разлагающей деятельности творческой интеллигенции на неокрепшие умы рядовых советских граждан. Показ, правда, закрытым был. Совсем. Но не в фильме дело. О чём он снят-то? Как его… эпизод этот, что ли? Или фрагмент?.. О чём?

– Ну, и о чём?

– Праздник такой был на Руси – Иван Купала. Купало, если точно.

– А-а… Ну, знаю я его. Так это ж язычество какое-то, вроде?

– Ишь ты!.. Садись, атеист – «пять»! – Лёха насмешливо посмотрел на меня, склонив голову набок. И, помолчав, продолжил, – А и правда, садись. Закурим, что ли? Стоп. Отставить… – остановил он сам себя и, подняв голову ко второй, более высокой вершине холма, гаркнул, – Курить есть чего?

Кусты, которые были от нас метрах в десяти-пятнадцати, не больше, чётко ответили:

– Никак нет!

– Ладно врать-то. Найди.

– Да где? Да и не положено нам, тащ-к-дир. В наряде-то…

– Учить меня будешь, салабон, что вам положено, что нет? Тебе не стыдно за командира? Я уж на флоте почти на котловое довольствие встал, – и закончил уже куда мягче, – Найди, Борь…

– Есть, – ответили кусты, и что-то там малость зашуршало, удаляясь.

– Лихо!.. – я был действительно поражён, – и много их тут понатыкано?

– Достаточно, – Лёха самодовольно улыбнулся, машинально посмотрев на часы – Службу правим… Давай твоих покурим, пока

бегают, – а закурив, будто без паузы продолжил, – А был бы православный праздник, праздновал бы?

– Ну-у-у… Как-то своё, вроде. Ближе…

– Не гони. Кому ближе? Тебе? Мне? Да мы с тобой в любую церковь зайди не по служебной надобности – что в православную, что нет – где-то через месяц в народном хозяйстве окажемся. С волчьим билетом, – Лёха затянулся и продолжил, – А ведь Купало, Масленница, Святки-Колядки – всё «язычество какое-то», – подмигнул мне Лёха и продолжил, – А в памяти народной сидело так крепко, что и церковьто сдалась. Как говорится, что не можешь предотвратить – возглавь. Вон Ванька-то Купало не один был – там ещё и Аграфена Купальница была. Так к нему тут же Иоанна Крестителя приплели…

– Слушай, откуда ты всё это знаешь-то?

– Серёг, я, конечно, закордонник всего навсего, и служить должен, куда воткнут. Но я ещё и чекист и доподлинно выяснить обязан, что за это говно, куда меня воткнули, и почему оно воняет именно так, а никак иначе.

– Так ты что, и по-латвийски говоришь?

– По-латышски, – поправил он меня и сказал, как о само собой разумеющимся, – Говорю. А как же мне «с администрациями временно оккупированных территорий» дела-то править? – он усмехнулся, – А что, если военный, так обязательно по пояс деревянный?

– Нет, но… Никто ж не учит.

– Ну и дураки, что не учат. Не отвлекайся. Так во-о-от… Крестителя, значит, приплели. Празднуйте, мол, можно. Да со временем только его и оставили. Ну-у-у… чтоб без купаний разных… Без папоротников. Однополо так, – Лёха сбоку посмотрел на меня и добавил, – Шучу. Но… не вытравила церковь Купалу-то – так его Купалой и кличут. А мы, вишь, травим, – неожиданно закончил он.

– Кто это «мы»?

– Ты, я… Полно народу. А ведь это – корни наши.

– И свальный грех?

– Не-е-е… Свальный грех нам ни к чему. А в церковной редакции – вполне целомудренный праздник получается. Чё не праздновать? Без попов, понятное дело. И без свального греха – другие мы. У нас с этими купаниями от всего праздника один свальный грех и останется.

– Чем мы другие-то? А эти чем такие особенные?

– Таш-к-дир!.. «Стюардесса» пойдет? – «ожил» кустарник.

– Пойдёт, Борь. Давай, – и Алексей, глянув на часы, как бы про себя заметил, – пять минут сорок две секунды.

Из кустов выломилось нечто бесформенное с косматой башкой и скрылось за валунами, а спустя некоторое время эта же башка показалась уже над ними. Видимо, боец рванул напрямки, причём одна рука, и именно правая, была у него занята автоматом. Выбравшись наверх, он буркнул «здорово, Айсарг!», на что пёс вильнул хвостом, и в три прыжка оказался перед нами.

– Расшибёшься, мартышка, – «поприветствовал» его Алексей. Бесформенность объяснилась «распятнёнкой»-маскхалатом с одетым на голову капюшоном, а косматость – одетым на капюшон венком из дубовых веточек.

– Напялил уже, – как бы недовольно проговорил Алексей.

– Маскиру-у-ует, – неопределённо потянул боец.

– Чё там?

– Пьют, поют, купаются. Тихо всё.

– К лесу не приближались?

– Ни-ни.

– Старшину поздравили?

– Обижаете, тащ-к-дир, – и боец протянул початую пачку «Стюардессы». Алексей раздвинул стенки пальцами и удовлетворённо произнёс:

– Девять штук. Должен буду, – на лице бойца отразилось «какие мелочи?..», а Алексей внимательно посмотрев ему в глаза, с прищуром спросил, – А кто там у нас богатый такой, что с фильтром курит?

– Не могу знать! Из расположения передали, – и глаза были ясные-ясные…

– Вот что, Борь. Мы сейчас у озера, в бане…

В ясных глазах Бориса абсолютно чётко проступило – «эка невидаль!».

– Как убудем в расположение, передашь по постам, что там рубон.

Весь вид Бориса стал выражать усердие и готовность сию же минуту выполнить любое задание Родины, партии и правительства.

– По два человека с наряда, но не чохом, по очереди.

Борис стал воплощением ответственности и сосредоточенности.

– За собой – прибрать.

Боря изобразил «о чём ре-е-ечь, начальник!..» и откозырял:

– Есть!

– Всё, вали.

Борька развернулся и полез на камень.

– Борь!

– А? – обернулся Борис, готовый спрыгнуть.

– Обойди. Переломаешься весь…

– Да долго, тащ-к-дир, – дальше два опорных прыжка вверх, «пока, Айсарг!», хвост, тяжёлое «плюх» с той стороны, шелест кустарника и – тишина…

– Вышколенные, – одобрительно и немножко с завистью произнёс я.

– Эти-то? Да-а-а… – Лёшка был доволен, но чё-то уж слишком, – Особенно, если учесть, что на заставе никому в голову не придёт мне не то, что неполную – просто распечатанную пачку передать. И что ходу туда – с полчаса бегом. В один конец.

Мы заржали. Отсмеявшись, снова закурили уже из его пачки и надолго уставились на огни.

– Лёш, а длинный он, пляж-то?

– Отсюда? Вот где сидим, и до мыса – тыща семьсот сорок два метра.

– Ой?..

– Серёг, странный ты какой-то. Это ж моя территория! В дежурке вон карта висит. Масштаб: в одном сантиметре – двадцать пять метров. А в сейфе – и того крупнее. Считали уж… Позиция идеальная, конечно. Хотя даже для СВД далековато. Но от того мыса, в обе стороны, уже соседей зона ответственности – перекрываем… И вот, не поверишь – не тайга, вроде, но места такие, что я бы лично… Если б на этом… На клочке этом своём схоронился, хрен бы меня лет двадцать кто нашёл!

Огоньки завораживали…

– Лёш, сколько ж их там народу-то, а?

– Ну, считай. Огоньков сотни три. У каждого огня человек по десять… Это минимум. Что за компания – десять человек? Нас вон, не сговариваясь, и то восемь вышло. Двадцать, правда, многовато уж. В среднем по пятнадцать возьмём. Вот и получается… Сколько ж получается-то?.. А-а, четыре с половиной тыщи. Это грубо. Бернаты да, считай, вся округа. Все тут. Латыши. И так по всей Латвии.

– И что. Вся эта орава… это… всю ночь голяком купается?

– Да нет, конечно, чудак-человек!.. Молодёжь только. А молодёжь, она везде одинаковая – поддать да девок пощупать. И наши такие же. Но – наши-то по чужим хатам пьют, когда там предков нету. А эти – все здесь. Старики, их дети, дети их детей, внуки, правнуки… Все! Конечно, каждый у своих костров, в своих компаниях, но – все. А и трахнутся молодые, что ж с того? Не в подъезде же, не в грязи, не в парадняке под лестницей, а… Да ты сам посмотри, красота-то какая вокруг – море, сосны!..

– Ну, а старшие-то чем заняты?

– Да тоже пьют! Пиво мегатоннами уходит. Хороводы водят,

беседуют… Отдыхают, в общем. И так всю ночь – спать нельзя. Не положено.

– Почему?

– Нечисть лесная в эту ночь дюже вредная – спящего утащить может!..

– Опять ты! Я ж серьёзно, а ты про ерунду всякую…

– Да ерунда, наверно, – согласился Лёха, – Только ты вот чего на Новый год до утра гудишь? Правда, что ль Деда Мороза пропустить боишься? Вот они ерундой-то и маются – Ваньку выберут, если своего нет, и – че-е-ествуют!..

– Какого Ваньку?

– Так Иванов день же! Купало же Ванькой был. По-ихнему – Янис, древний бог плодородия. Дубовый венок – его. Всё, как у нас. Почти… И девку ему, чтоб Лигой звали. Лига сегодня тоже именинница. Вроде Аграфены нашей. Вот тебе и пара – стало быть, будет и плодородие. Наш-то бог плодородия Янис Филиппыч – поди, Галинку свою тоже у озера плющит… И молодцы!!! – Лёха аж зажмурился от удовольствия. И, помолчав, продолжил, – А у нас так празднуют? В городах, в посёлках позабыли уж все. Ты вон еле вспомнил. В лучшем случае, на пикничок-шашлычок выберутся, а как смеркаться начнёт – в тачку и домой. А ведь есть и у нас люди, в которых это крепко сидит. Вон Галинка Филиппыча-то! Ведь у меня старшина заставы кто? Филиппыч? А хрен тебе – она, Галинка!!! Бой-баба. Хохлушка из глубинки. Так она в натуре боится, что нечисть к ней заберётся – на всей заставе подоконники да порожки крапивой завалила!..

– А это ещё зачем?

– А не переступит нечисть через крапиву-то! Бойцы ржут, подкалывают её, но идут, косят. И крапивы заодно в расположении не будет – двойная польза-то, а? Тройная даже – Галка им потом с той крапивы таких щей наварит! А водила у меня… Земляк, кстати, твой, Кирюша. Умница. Так вот он ей и говорит: «Галина Тарасовна! Трубы-то печные мы с Вами упустили!.. А нечисть эта завсегда через трубу лезет». С Галкой плохо стало! Минут двадцать в ступоре была, потом еле с крыши сняли!.. Тут вся застава угорала, пока за вами не уехал. И уху сейчас под утро затеяла, чтоб самой не спать и никому не дать – вместе-то не так страшно!.. Ты не смейся, чё ты смеёшься-то? Тёмная она, да? А по мне – так светлей поискать ещё.

Лёха опять закурил и, чуть не насильно воткнув мне, продолжил:

– И у нас, на Алтае, празднуют кое-где. Да не в каждой деревне даже. И кто – соплячьё одно, без родителей. А соплякам на Купалу этого насрать – они и помнят только, что можно до

утра домой не являться, что купание голышом по-любому будет – положено! – и что под это дело надо бухлом запастись. И без родительского пригляда выходит только пьянство да б…ядство!.. А эти – празднуют.

Где-то полыхнула зарница. Потом всполохи побежали по всему горизонту, делая силуэт МПКашки просто наклеенным – Лёшкины предсказания, похоже, сбывались. По кустам пару раз пробежал довольно ощутимый ветерок, но Лёха увлечённо продолжал:

– Вот гляди, ты мне всё про свальный грех толкуешь…

– Я?!! – но Лёха всё никак не мог успокоиться, будто опасался, что он не так мне что-то объяснил, а я его не так понял.

– Ну, я, я… Вот… Ещё пример. Не про латышей, правда. Про литовцев. В Латвии я с таким не сталкивался, врать не буду. Попал я на литовский хутор, на свадьбу. Случайно попал. Хутор, по местным понятиям – глушь. Но народу откуда-то понаехало – под сотню. И это, говорят, не много ещё, нормально. Стол под навесом, бабьё суетится, молодых нет ещё. А баня – здоро-о-овая, чуть ли не на взвод, а то и больше – натоплена уже. На хрена им такая баня, на хуторе-то? Приехали молодые. Из кирхи, между прочим. Во-о-о… И, прежде чем за стол садится, весь народ этот, всем кагалом… Ну, кроме дряхлых и сопляков совсем… С молодыми! Все – в баню!.. Нас с Надеждой тоже затащили, как не упирались мы! Но, смотрю, парится народ, ржёт, друг над другом подшучивает. Чё они там говорили, хрен их знает – там по-русски-то полтора человека могло. А я, хоть языки и похожи, тоже еле разбирал. Попарились – и за стол. И нормально всё – пьют, гуляют… А баня эта так всю ночь и топилась. И кому надо – так до самого утра туда и захаживал. И мало того, что из-за девок-то так ни разу и не передрались – пьяного ни одного не было! Ну, чтоб в лом. А ведь я знаю таких деятелей с политуправы, которые местных за выкрутасы эти за извращенцев просто держат. За похабников. Это наши-то! Нет, Серёг, никакие они не особенные – другие просто. Вон мы сегодня тоже парились. Вот бы всем кагалом туда набились, а? Чё бы было? Скорей всего ничего, но праздник бы напрочь смазали – сидели бы потом за столом, как деревянные, глаз друг на друга не поднимая, и через часок – глядишь, разошлись бы…

– Ну, не зна-а-аю!.. С Натахиными-то приколами?

– Ты Наташку не знаешь совсем. Внимания обращать не стоит – выпендрёж всё это. Юрку она до одурения любит и за него кого хошь порвёт. Вплоть до председателя КГБ включительно!.. Было дело, Юрку с того света тянули. Так Наталья его на ноги поставила и на ВВК всех так построила, что они, со страху только,

ему где надо и где не надо «годен» записали. А Юрка-то её просто боготворит. Да мы все за ней, как за каменной стеной.

– Как так?

– А врач она. Доктор. Но так как ещё и стерва порядочная, то и профессию себе выбрала под стать – стоматолог!.. – Лёха заржал и, продолжая хохотать, продолжил, – Но на заставе – за всех. Вплоть до проктолога!!! Ой, мать их… Обложили со всех сторон: Галка за мной с пирожками носится, а Наталья – с тонометром. Плетёт моей, что у меня то то не то, то это, а моя слу-у-ушает, как дурочка, таблетки какие-то от неё таскает. А от Галки – отвары… Бр-р-р!.. – Лёшку притворно передёрнуло, – Так что я, Юрка и Филиппыч – самые здоровые мужики в погранвойсках!

– А твоя-то кто?

– Да тоже всё, как по писанному. У нас же офицерская жена кто – врач, учитель, домохозяйка. Врач есть. Домохозяйка тоже – Галка. А моя – училка! Химии и биологии. Правда, и домохозяйка тоже – работы не нашла здесь. Ну, занялась тут… Ленинской комнатой… Уголком Дзержинского, библиотекой. Юркин хлеб отбивает. У моих и так мозги набекрень, а она им ещё и книжки втюхивает.

Над дальним мысом взлетела зелёная ракета. Потом ещё одна. Еще. И так пять штук подряд. Потом разом три красных одновременно. Потом белые – парами. Раз… Два… Три…

– Что это, Лёш?

– Да ничего. Соседи мои решили в праздничке поучаствовать – салют им, вишь, устроили.

Взвилась ракета и над МПК. Вторая… Лёха заорал в кустарник:

– Кто шмальнёт – трое суток ареста! Всем передай.

– Е-е-есть!.. – обиженно донеслось оттуда.

Пляж по-своему ответил на приветствие. По кострам, видимо, начали молотить палками и они ярко вспыхивали, выбрасывая вверх огромные снопы искр – тут, там, сям… И вскоре весь пляж покрылся как бы ярко вспыхивающими звёздами. Лёшка покачал головой и задумчиво проговорил:

– Сплочённые… – и непонятно было, одобрительно это он, или нет.

– А ты слышал, как они поют? – вдруг встрепенулся он, – Слышал?

– Я? Слышал, вроде… – я покопался в памяти, – Или нет?.. Не помню, Лёш. По пьянке все поют.

– Не-е-е… Не «шумел камыш» в три горла плюс пол-литра. И не Хазбулата всей свадьбой, дурными голосами. Они народные

песни поют. Свои. Соберутся в парках. В скверах там… В лесу вот – и поют. Десятками, сотнями, тыщами…

– Ну, уж и тыщами?..

– Да! Тыщами!.. Свои народные песни. А наши-то: «Чой-то они так сплочённо поют? Что их так сплачивает-то – без партии и правительства?». Празднуете? Ну, празднуйте-празднуйте… А мы вам – усиление нарядов дежурной службы, активизация работы с агентурой, пропаганда среди лояльного населения, выявление активистов и профилактика с неопределившимися!.. И был праздник-то национальный, а тут глядь – он уж националистический!!! Сами же наговняли, теперь сами же и расхлёбываем!..

– Тихо, Лёх!.. – заговорил я отчего-то хриплым шёпотом, – Бойцы услышат. Не дай Бог, стуканёт кто…

– Кому? Юрке? Или он кому? Из своих партагеноссе? Не смеши. Юрка не дурней нас с тобой, и сам всё отлично понимает. Мне иногда кажется, что даже лучше и больше, чем мы с тобой. Ну, уж больше, чем я – точно. Не, мне с замполитом повезло. Были б все замполиты такими, может, такого бардака-то и не было бы! А за бойцов ты не переживай – тот же Юрка им в понедельник, на политзанятиях, мозги вправит и, если надо, всё, что я тут накосорезил, подрихтует и согласует с мудрой национальной политикой партии. Не, вот, Серёг, ты скажи, почему они Лиго до сих пор празднуют, а мы Купалу – нет? Почему?

– Ну, почему-почему?

– Да потому что у нас великая октябрьская социалистическая революция аж в семнадцатом годе была, а у них – в сороковом, типа!.. А на деле-то и вообще в сорок пятом. Потому что у нас гражданская война в двадцать втором закончилась, а у них – в середине пятидесятых. Потому что у нас после Иосифа Виссарионовича уж повыходили все, а у них только-только сажать закончили. Вернулись мы в сорок пятом и чуть не треть тут пересажали, перестреляли да выслали. И понеслась – до середины пятидесятых по лесам шарится!.. Мы за ними, они от нас, мы за ними, они от нас… Стало быть, последние-то, которых в середине пятидесятых посадили, вот в эти-то три-четыре-пять лет и повозвращались уже. И сейчас сидят те сидельцы там, внизу у костров, и празднуют… Они празднуют, а мы тремя караулами на них пялимся – два с лесу, из кустов, а один – с моря огонёчками светит. Да ещё и ракетками постреливаем: мол, празднуйте, но не очень-то – под контролем всё. И о чём сейчас тот сиделец молодой поросли там рассказывает, о чём вспоминает? На брандвахтенные огонёчки-то любуясь? Лагерные вышки он там сейчас

вспоминает! И о них, поди, и рассказывает!..

– Слушай, а чё ты за них аж испереживался-то весь?

– Я? За них?!! Да мне насрать на них!!! Меня наша тупость бесит. Взять хотя бы Лиго эту. При царе-батюшке, при немцах… Тех ещё, довоенных. При айсаргах своих они…

Айсарг резко встал и развернулся к нам, ожидая продолжения.

– Тихо-тихо, Айсарг. Сидеть, – торопливо проговорил Лёха и, увидев мою удивлённую рожу, радостно заржал, – Во эффект!!! Сколько раз уж видел, а привыкнуть никак не могу!..

– А-а… А кто это?

– Да были тут. Типа, добровольные воинские формирования. До войны ещё. Как сейчас говорят, в буржуазной Латвии. С точки зрения боеспособности – нули полные. Этакий ДОСААФ при павлиньих мундирчиках. Ну, оно всегда так – чем беспомощнее армия, тем опереточней мундирчик. Но они их тут дюже уважают. А в последнее время что-то опять вспоминать кинулись – видать, не один из сидельцев из них будет.

– Ну, и как они… на него-то реагируют? – я глазами указал на пса.

– Некоторые – как ты. Меньшинство. Большинство – сдержано улыбаются. Недо-о-обро так. А как узнают, что у него девять задержаний, да два ножевых – оттаивают. Бравый в их понимании пёс-то получается – настоящий айсарг! – хохотнул Лёха, и тут же поспешно прибавил, – Сидеть, Айсарг, сидеть! Нормально всё.

Я тоже посмотрел на Айсарга новыми глазами, а Лёха, между тем, продолжил:

– Так во-о-от… И гуляли они тогда Лиго эту неделю. Не-де-лю! – раздельно, по слогам провозгласил он, отбивая себе ритм ребром ладони, – А мы пришли? На выходные выпадает – гуляй себе! А нет – перетопчешься.

– Что им, праздников мало, что ли?

– Да не в этом дело! Они и сейчас-то после Лиго до сентября отойти не могут и толком-то ни хрена и не делают!.. Свой был праздник-то, народный. Говорю ж – самый для них важный в году. Пивка выпить, искупаться, через костёр сигануть. Песни свои хором попеть… Народные. Всего и делов-то. А нам в каждой их песне «Хорст Вессель» чудится!!! – Лёха чуть покосился в мою сторону и пояснил, – Гимн такой… нацистский. Айсарги эти… – псу надоели без нужды понукания и он, спрыгнув с камней, улёгся у Алексея в ногах, высоко подняв морду. Лёха потрепал его между ушей и продолжил, – Так вот они, айсарги эти, и составили костяк латышского батальона, вошедшего в легион СС. Это как немцы пришли. А как ушли – всем гуртом в леса подались. Но

местные их от немцев здо-о-орово отличают – они у них чуть ли не народные повстанцы и национальные герои получаются! Борцы за свободу Латвии от нацистов и коммунистов!.. А творили-то что!!! В эсэсовской же форме. А-а, да ты знаешь, поди… То же самое, – Лёшка надолго замолчал, уставившись на горизонт.

Глава вторая. Дружба народов

Погода за это время уже основательно испортилась – в кронах сосен почти беспрерывно шумело, а стволы начали поскрипывать, как корабельные мачты. Но я молчал. Видно было, что у этого отличного парня из Сибири, офицера и командира, каких поискать, полный разлад в душе. И что это его гложет. Долго. Муторно… Вдруг он решительно полез за сигаретами, прикурил, забыв предложить мне, и зло заговорил:

– А слышится в них «Вессель» этот. Слышится! Сплачиваются они… Зачем? Против кого? Ясно зачем. Ты что ж думаешь? Что я, после того, что тебе тут наговорил, присягу забыл?!! Не-е-ет!.. Я – чекист-закордонник. Погранец. «Мухтар». Цепной пёс режима, если хочешь, и дело своё туго знаю. Вот и получается, что я тут нужен. Ты нужен. И такие, как мы – во, как нужны!!! – Лёха резанул себя большим пальцем по кадыку, – Потому что, такие же, как мы, тут накосорезили, всех вокруг против себя восстановив, а теперь уж делать нечего, кроме как в вертухаи подаваться. А здесь ведь, кроме нас с тобой, и простые русские люди живут – гражданские. И поначалу, видать, хотели жить, как все: с соседями ладить – дружить, да друг к дружке в гости ходить. И ходили. И на Лиго эту чёртову тоже ходили. За компанию… А пьяные ж все. А обиды-то старые по пьяному делу – ох, как всплывают!.. Раньше молодёжь местная на Лиго с кнутами ходила. С пастушьими. И не попрёшь – непременный атрибут народного костюма!.. Запоротых находили. Наших. И женщин. И… Смотреть страшно. Подкорректировали в Москве мудрую национальную политику – поотымали хлысты. А народ же в лес идёт – костры жечь, сырок порезать, то да сё. И без ножа? А как его запретишь, кухонный-то? В общем, не знаю, как в городах, а чуть место поглуше, так сидит русский народ на Лиго эту по домам да квартирам, да за семью запорами. Или как мы вон – по воинским частям да запретным зонам. И это зде-е-есь – в се-се-сере родном, как твой Алик говорит! И не делает никто толком ничего – бытовуха на почве пьянства. Чё с ней поделаешь-то?..

– Да какая ж бытовуха, Лёш?..!!

– Бытовуха-бытовуха, Серёг. Хулиганство! Ты, что ли, под это дело национальную неприязнь подведёшь? А погоны не жалко? В Москве этого слушать не хотят, и там разговор короткий – комиссий одну за другой, да с широкими полномочиями. Следствия возобновлять? Пересуживать? Хрен тебе – карать!!! Карать за то, что мы тут, на местах, головы садовые, вместе с местными парторганизациями и администрациями, мудрую

национальную политику партии так извратили, что её теперь, верную на все времена, и не узнать вовсе! Так что истинное-то положение вещей хрен, кто когда кому и доложит – кто за кресло трясётся, кто за погоны, кто элементарно за семью, детей – понять людей можно!..

– Так ты, Лёш, нас специально сюда затащил, да? От лишних неприятностей?

– Да, специально. Тем более, что вы вообще святыми оказались – и не догадывались даже, что они вам грозить могут.

– Да уехали б мы к вечеру, и…

– Куда?!! Из Латвии в Латвию? Там, в Ле́пае что – другая хрень?

– опять «по-местному» произнёс Лёха, к чему я уже начал привыкать.

– Или я шальным лейтенантом не был?

– Старшим… Старшим лейтенантом, – машинально поправил я.

– Ах, извините, господин поручик! Ничего, что сижу? – без тени юмора проговорил Лёха, и продолжил, – Прибывает офицер в часть. Молодой, здоровый парень. Формально, по календарю – под выходной прибывает. Он что, в расположение попрётся? Не смеши! Сбросили б вы с Аликом пожитки где-нибудь, «по штату» переоделись, да и намылились бы… В «Юру», скажем. Или в «Каю». Там – вмазали. И не напиток «Байкал» – чё покрепче. А лето, Прибалтика – гормон играет. Баб бы склеили. Вам их вести некуда. А они – местные оказались!.. Вот пруха-то – стало быть, продолжение будет! И рассказывали бы они вам до закрытия, какой у них сегодня весёлый и светлый праздник. И потащили бы вас с собой. Без задней мысли, так – вечер продолжить. А вы бы, как бараны, и попёрлись – вам этот праздник по барабану, вам лишь бы на половое довольствие встать! А в парке ле́пайском, в дюнах – и пива море, и весело… Глядь – и девки ваши уже голяком у берега плещутся. Но это вам казалось, что они – ваши. Тут ещё и город весь. Кто такие, хоть и «по гражданке», вы б не скрывали. Да и скрывали бы – говорите ж по-русски только!.. И не прибыли бы два старших лейтенанта флота в расположение ни в выходной и ни в будни. И вообще бы уже никогда не прибыли – никуда… А то, что вас бы, от греха, ле́пайская комендатура свинтила б, шансов мало. А и свинтила бы – это ж залёт!.. Оно вам надо? Да и уютнее у меня, чем в комендатуре-то. В камере… А? – и Лёха снова подмигнул. Но отнюдь не весело.

– Нет, Лёш, сейчас уже ясно всё… И спасибо тебе. Огромное… Но, положим, раскололи нас. И что, на офицера руку поднимут? На державного, казённого?.. При погонах?

– В прошлом году… На Лиго, кстати. Повесили в этом самом ле́пайском парке плакат. На эстраде-ракушке повесили. «К 64-ёхлетию Великого Октября – 64 трупа оккупантов!». Три дня висел. Почти. Высоко, говорят – снять, мол, сложно.

– И что?

– И ничего.

– Не выполнили, значит?

– Не выполнили. Но счёт открыли. И не футбольный. Очень даже хоккейный счёт получился – семеро. Все – военнослужащие. Вот и в дивизионе том, куда вы путь держите, матрос пропал. Из увольнения не вернулся. Поначалу думали, на бабе завис. Ждали-ждали – нет его. Гарнизон перетрясли – патрули там, розыскные мероприятия… Нету. Решили – до дому подался. Запрос по месту жительства, с родственниками плотно поработали. Не объявлялся… Ну, рано или поздно, объявится – записали в дезертиры, да во всесоюзный розыск подали. А в ноябре, аккурат к этой самой 64-ой годовщине, приходит в дивизион посылка. Бандеролька. На имя начпо. А в ней – лицо его. Матроса этого.

– Как?.. Как лицо?!!

– Ну-у-у… Кожа с лица. На деревянную чушку натянутая. Аккуратно так… На гвоздиках. А он здесь вообще никаким боком – куда призвали, там и служил. И не в комендантском взводе даже – рядовой матрос с рембата дивизиона строящихся и ремонтирующихся кораблей.

Я был ошарашен. Раздавлен просто. Едва верилось… Но смысла Алексею врать не было никакого.

– И… И… что? – я мгновенно охрип.

– А ничего. Результатов следствия не доводили пока. Да и есть ли они, результаты-то эти?.. Так что, Серёг, с месячишко тут на юрмальских пляжах проваляться и жить… А, тем паче, служить – это, как говорится, две большие разницы.

– Это в прошлом году было. А в позапрошлом, – продолжил Лёха, закуривая, и уже не забыв угостить и меня, – психическая атака приключилась. Как в «Чапаеве». Видел? Во-во… Здесь, у меня, – он махнул сигаретой в сторону огоньков, – Не знаю, с чего уж они там завелись, но под утро уже, позже четырёх, поднялось человек пийсят. Пьяные все. Голышом. В веночках одних. Встали рядком – мальчик-девочка, мальчик-девочка… – взялись за руки и попёрли. На запретку. С песней.

– И ты?.. – я откровенно боялся услышать ответ.

– Поорали. Чтоб по Уставу всё было. Идут… Ну, дали очередь…

– По ним?!!

– Дурак что ль?!! – взвился Алексей, – Они ж – дети!!! В

воздух. Ну, и разбежались они. Год потом отписывался. Майора опять отодвинули.

– А-а… а если б не разбежались?..

– Что «если б не разбежались»? – медленно переспросил Лёха, всё, видно, отлично понимая.

– Ну-у-у… Не разбежались они? Так бы дальше и пёрли?..

– Ну, ещё б дали.

– Лёх! Не увиливай! Всё, вот она – запретка!..

– Задержал бы пару-тройку… Желательно зачинщиков. А нет – так назначил бы. Из этих бы… Из задержанных… Зачинщиками-то.

– Да больше их! Больше, чем твоих кордонов, постов с секретами и тревожной группой в придачу!!! Свалка б началась… Тут уже, на запретке! Ну?!!

От зарниц стали доходить едва слышные отголоски далёкого грома. Алексей молчал и нервно курил. Потом обернулся ко мне всем телом и в упор спросил:

– Ты хочешь знать, отдал бы я приказ открыть огонь по этим свихнувшимся от водки соплякам?

– Да.

– А как же? – зло заговорил Алексей, смяв чуть начатую сигарету, – А как же?!! И стреляли бы!.. Я здесь для того и поставлен – свинчивать да стрелять! Стрелять да свинчивать… Но тогда бы уж я от жизни своей непутёвой ничего больше и не ждал бы. Выполнил ты, товарищ капитан, свой воинский долг, проявил верность присяге – а теперь проваливай отседова… к х…ям собачим!..

– А сейчас-то ты чего ждёшь?

– Я? Как чего, – и Лёха неожиданно деловито и спокойно стал перечислять, – Первое – звезду майора. Второе – жильё. И третье – демобилизацию. И будь у меня первые два – дня бы я тут не задержался.

– А не отпустят?

– Кого? Меня?!! Мила-а-ай!.. Да во мне столько дыр, что не на одну – на две военно-врачебные комиссии хватит!!! Не-е – майора к пенсии, какое-никакое жильё – квартиру там… Или дом лучше. И – ДМБ. Всё! Хоть сыном займусь, пока совсем в оболтуса не превратился.

– Так у тебя – сын? А где ж он?

– Вот и я говорю – где ж это он? Экзамены уж неделю, как закончились, а оболтуса этого всё не-е-ет!.. В Казани он. В кадетке. Суворовец, мать его!.. Надежда моя: «Лёша-а-а… Костик на каникулы к нам не сразу приедет… Они с мальчиками хотят по Волге на пароходе проехать. Экскурсия у них, кажется… Так я

думаю – пусть? А, Лёш?». А у этого оболтуса на самом-то деле – двойка по экзамену!.. И в году еле-еле «трояк» натянули, чтоб до экзаменов только допустить. Щас сидит, видать, шуршит страничками. Переэкзаменовка! Об-болтус!.. – смачно закончил Лёха, улыбаясь во весь рот.

– А ты-то откуда знаешь?

– Я-то? Ну, ты даёшь, Серёг! Откуда я знаю? Позвонил, кому следует, и вот – знаю. А Надежда моя – умрёшь с неё – ходит гоголем!.. Решила-таки проблемы кровиночкины-то. Ещё и денег у меня взяла – «Костику на экскурсию». Конспираторы!

– Пороть будешь? – так же улыбаясь уже, спросил я.

– Да нужен он!.. – наплевательски-притворно сказал Лёха. И с затаенной гордостью прибавил, – Он уж выше меня.

Точно в центр горизонта, почти вертикально ударила первая молния. И задержалась на мгновения, как бы приглашая собой полюбоваться – ярко пульсируя, она разветвлялась вверху на короткие змейки, скрывающиеся в громадной чёрной туче, ею же освещаемой, будто ветви в косматой кроне…

– Ну, вот тебе и Иванов дуб, – зачарованно проговорил Алексей, – Как по заказу. Щас ливанёт, и разгонит всю эту братию к чертям собачьим!.. И пойдём мы с тобой, Серёга, с дорогой душой… – и тут все звуки потонули в страшном грохоте. До нас докатился гром!.. Сначала он оглушил нас одним мощным разрывом какой-то чудовищной шрапнели, что Айсарг аж чуть взвыл и втянул голову. Потом разбросал во все стороны разрывы послабее, став совсем похожим на беглый артиллерийский огонь, ведомый какой-то немыслимой небесной батареей. И, наконец стал понемногу затихать. И тут, на фоне последних, едва слышных уже раскатов, ясно донеслись далёкие автоматные очереди – три грамотные, по два патрона, и одна подлиннее, патронов на пять-на семь. Левое ухо Айсарга развернулось на звук. Тут же вспыхнул прожектор МПК и луч, дернувшись, пошёл влево по пляжу, вскоре заплясав на небольшом пятачке в дюнах, где копошились какие-то муравьи…

– Всё, – упавшим голосом проговорил Лёха, взглянув на часы. И – раздражённо, – Допи…делись!.. – Накаркал!!! – уже орал он. Вскочив на ноги, он заорал соседней вершине, – Что там?..!!

– Выясняем… – Борькин голос тоже стал напряжённым.

– Быстрей давайте!.. Я на двадцать восемь-три буду. Туда доложишь!

– Есть!

– Пошли, Серёга. И – в темпе!

Айсарг, почуяв путь домой, рванул вперёд и скрылся в темноте. Для нас же путь назад, через заваленную камнями

впадину между вершинами, оказался сложнее, чем сюда – хоть уклон был и небольшим, но сейчас он обернулся подъёмом. Да и времени сейчас было в обрез. И всё-таки, стараясь не сбить дыхание, я спросил:

– Как он здесь узнает-то?

– Во-о-он сосна… Видишь? – Леха указал на крону дерева, едва выглядывающую из-за холма, – Там у них телефон. Вертушка полевая. Надо бы и сюда его, да всё руки не доходят – то одно, то другое, то кабеля нет…

Судя по тому, что от высоченной по логике сосны торчала одна верхушка, можно было сделать вывод, что от холма она довольно-таки далеко.

– А рации нет, что ли?

– Есть. Сто двадцать девятая.

– Так чё ж…

– А ты побегай с ней! Тут-то…

У плоского камня, где нас разыскивала Надежда, уже поджидал Айсарг и переводил дух Борис:

– Тащ-к-дир! На кордон прибыл дежурный по караулам. С десанту… – Борис замялся.

– …рой, – закончил за него Алексей.

– Так точно, с десантурой. Чё-то стали местных задирать… Или наоборот. Те их… Дошло до драки…

– Наши при делах?

– Ни-ни.

– Десант кого задел?

– Никак нет. Огонь отсекающий.

– Что ж они, на плечах доблестного десанта чуть не к кордону прорывались?

– Никак нет. В глубине пляжа стрельба. От кордона метров сто пийсят-двести будет.

– А какого ж… Чё они там позабывали?!!

– Не могу знать… – Борька прибавил ещё «тащ-к-дир». И мгновенно расстроился.

Алексей же, напротив, заметно успокоился. Чуть подумав, он продолжил расспросы:

– А мен… – пришла очередь замяться Алексею, – Милиция что?

– Четыре патрульные машины по границе дюн. Пока не вмешивались.

– Когда прибыл-то? Этот… дежурный по караулам?

– Двадцать шесть минут всего.

– Почему не доложили?

– Замполит доклад принял.

– Почему МНЕ не доложили?!!

– Виноват… Не хотел тревожить. Да ведь ничего ж особ…

– Дал бы я тебе… – но Алексей сказал это скорее задумчиво, чем в сердцах. И что-то решив, не торопясь, продолжил, – Вот что, Борис…

– Заставу – «в ружьё»?..

– Отставить… Бодрствующие смены – на товсь. Тревожной группе – «в ружьё». По прибытии – доклад. МНЕ доклад. Выполнять!

– Есть! – и Борька со всех ног кинулся в кусты, как ныряют с мостков в речку деревенские пацаны.

– Пошли, Серёг. Праздники, кажись, кончились. Начались будни.

Айсарг взял с места и широким галопом понёсся вниз.

– Может, и мы пробежимся? – предложил я.

– С холма не очень-то пробежишься – внизу костей не соберёшь. К озеру спустимся, там и пробежимся, – и Лёшка боком, широкими приставными шагами пошёл вниз.

Мы бежали вдоль берега озера, а позади то и дело вспыхивали молнии и сюда, в низину, докатывался гром. Издалека послышался командный голос Натальи, кого-то там подгонявшей:

– Ребят, ну зажигайте уже! Щас ливанёт – всё ж коту под хвост!..

В свете молний различилась огромная куча дров где-то в полтора человеческих роста с водружённой на самом верху разбитой бочкой, а у подножия сооружения возились на карачках два бойца. Наталья – руки в боки, локотки вперёд – руководила. Позади, у баклаги хлопотала Галина. Увидев нас, она выпрямилась и застыла, а Наталья бросилась со всех ног навстречу, по-бабьи разбрасывая ноги и сжимая одной рукой ворот сарафана на груди. Схватив Лёшку за рукав как бы для того только, чтоб остановиться, и еле переводя дыхание, она спросила:

– Что там, Лёш?.. – и ищуще стала заглядывать ему в глаза.

– Нормально всё, Натуль. Юра где?

– На южный кордон уехал… Кирилл за ним заезжал.

– Командыр! – в окне бани торчал Филиппыч, протягивая трубку полевого телефона, – З кордону!..

Лёшка быстрым шагом подошёл к окну и, нажав тангенту, бросил в трубку «кто?». Филиппыч, не отходя от окна, навис над Алексеем, готовый выполнить любое его указание. За ним маячила Надежда. Алексей продолжал время от времени коротко бросать в трубку «где?», «когда?», «сколько?», «зачем?», «почему?», «как?», подолгу слушая ответы. Айсарг не отходил от него ни на

шаг. Наташа, зябко обхватив руками плечи, задумчиво пошла в дом. За ней, деловито вытирая руки о передник, торопливо пошла и Галка. От костра с баклагой остались уже одни ярко светящиеся угли. И над всем этим стоял густой, вкуснейший до одури запах наваристой ухи! А я и вышедший перекурить Олег с неловкостью ощущали свою полную ненужность.

Грамотно сложенный кострище занялся сразу и длинные языки пламени с трёх сторон уже полизывали бока невесть как установленной сверху бочки. Лёшкино общение с кордоном приобрело двухсторонний характер – он уже давал пространные директивы, да и спрашивал тоже куда более пространно, уточняя всякие детали. Стали слышится «хорошо», «молодца» и «добро». Не отнимая от уха трубки, он левой рукой часто-часто замахал к себе ладонью, и Филиппыч с готовностью вставил ему в рот «беломорину» с уже замятым мундштуком и, перегнувшись из окна, дал прикурить.

– Да иди ты?!! От-сссу-у-у…ка! Да не можем мы его задержать!.. Пусть торчит под предлогом, что, мол, не весь личный состав ещё подтянулся – ему ж не видно ни черта! От тебя-то… И свидетелей побольше, свидетелей. Не-не-не-не!.. Тебя вполне достаточно будет. Независимых! Ментов. Вяжут? Хорошо, пусть вяжут. Отсекли? Успокоились? Хорошо-о-о… Нет, жёстко. У нас – жёстко. Их – в последнюю очередь. Прибыл?!! От-лич-но!!! С запретки его пока не выпускай и сведи их, сведи! Пусть пообщаются! Во… молодца… А здо́рово? Нет? Ну, а запах-то, запах? Прекрасно!!! Вот пусть и принюхивается… А сам – доклад. Тут же!.. Да, и в комендатуру, и в гарнизон… Не, туда сам доложу. Распишу… Во-во, под хохлому. Как втянутся, сразу выпускай – пусть едут. И носа никому не казать – нету нас тут и не было! Да-да, бойцам… Ну, на шлагбауме-то – понятное дело!.. Да, и на выезде уже пусть секреты помаячат. Между прочим так… Добро! С латышами пусть менты разбираются. Как до дела дойдёт – они такого понапишут!.. Чё было и чё не было!!! Десантуру-то не помяли? Нет? Это ерунда. Пусть сами… как хотят, так и подают. Как десантуру отправишь, шлагбаум – в гору! Пусть катятся! Да не досматривай ты никого!!! Рожу разбитую увидишь, задерживай – и ментам!.. Остальных – пинком под зад… Да? А тяжёлые есть? Есть? Да?!! Наше дело – сторона… Ай, молодца! А? Чего? Не… Это – как народ схлынет. Нет, и всё! Пусть хоть раз в году поработают! Начнут настаивать – патруль подготовь. Мол, штатное время подошло. И, прежде, чем отвалят, с ними пусть всю зону и пройдут… С ментами, с ментами. Пляж, да-да, пляж… Ничего не надо, нет! Пусть обозначатся только… Молчком. А менты на что? – напряжение на лице Филиппыча заметно

спадало. Да и девчонки, украдкой выглядывая из дома, смотрели уже не с тревогой, а заинтригованно, что ли?.. С интересом.

– И не рассусоливай там – нечего лишний раз светиться. Как народ разбросаешь, давай к нам. Ждём, да. А как ливанёт, всё само собой устаканится. Проблемы какие – сразу сюда доклад. Отбой по готовности. Всё, Юр, до связи… Ждём, – и Лёшка протянул трубку Филиппычу.

– Командыр, жрать-то будэм? – улыбаясь уже, спросил Филиппыч.

– Будэм, будэм, – передразнил его Лёха и со счастливым лицом уставился в небеса. Вдруг стало ти-и-ихо тихо – ни ветерка. Лёха со всей дури хлопнул в ладоши и заорал в окно, – Девки-и-и!!! Ща ливанёт!.. Тащи хаванину в дом! Натаха!.. На-та-ха!!!

– А?!!

– Юрка где-то через полчаса-час будет – готовься мужа встречать!

– Закусив подол?

– А як же?!! – вставила Галка, и вот тут-то… всех и отпустило! Окончательно. Девки заметались с террасы в залу, служившую одновременно и раздевалкой, и комнатой отдыха, расставляя по лавкам приготовленную снедь, а мы с Олегом пытались втащить туда освободившийся стол. Причём Филиппыч нам отчаянно мешал, следуя в строго противоположном направлении – он перетаскивал оперативный телефон, наоборот, на террасу. Причём он же нас ещё и торопил, так как ему было «дюже трэба» снимать с костра уху, и именно с нашей помощью. Бойцы-костровые подтапливали каменку – для Юрки, видимо. А Лёха разжигал камин, вполголоса матерясь, потому что никто не удосужился заготовить щепу…

Торжественной процессией, наконец, двинулись «по уху». Мы с Олегом, как бы конвоируя, шли по обе стороны живописной пары. Филиппыч, округлив от страха и напряжения глаза, всё время поворачивался спиной к наседавшей на него со всех сторон Галине, бережно прижимая к груди две бутылки водки. Та орала, что и одной «будя», нещадно его колотя, а он, поминутно вставляя «от бисова баба!», доказывал, что «на тры лытры – стакан», и, стало быть, на пятнадцать – две «пол-лытры тильки-тильки» будет. Сошлись на одной бутылке и ещё «трошки», причём «трошки», по Филиппычу, опять получались стакан, так как меньше меры, он, похоже, не знал. Стакан был налит аж до краёв и мигом опрокинут в баклагу под возмущённое Галкино «цэ ж пол-бутилки, чорт!», и Филиппыч коршуном схватил полную бутылку, а Галка – початую. Филиппыч, с выражением священного

ужаса и восторга одновременно, перевернул бутылку над баклагой вверх дном и зачарованно наблюдал, как водка с бульками уходила в булькающее же янтарное варево, отдавая в атмосферу пьянящий пар… Весь вид его как бы говорил – «шо ж я назробыв-то?..».

Мы с Олегом осторожно, не в ногу, понесли баклагу на толстенной осине в дом и тут упали первые капли дождя – тяжёлые… редкие. И едва мы поднялись на террасу, ливень вдарил стеной!!! «Ура-а-а!..!!» заорали на голоса все присутствующие, снова обретя с надетыми венками вид подгулявшей нечисти. Вовсю разгоревшийся костёр мигом почернел, с шипением дав огромный столб густого белого дыма. Но внутри чёрной костровой кучи – пылало, как в аду… Вертеп!

Рассевшись, начали прямо с ухи. Сказать, что она была хороша – вообще ничего не сказать!.. Прозрачный, клейкий бульон в огромных и переливающихся каплях жира давал бы возможность рассмотреть и аккуратные дольки картошечки, и кружочки морковки, и малюсенькие луковки, и что там было ещё… если б не затянувшая всю поверхность толстая и ароматная «ряска» из укропчика, петрушки, базилика и зелёного лучка. Из «ряски» сказочными островами вздымались куски щуки и судака, вокруг которых плавали ломаные кусочки рыбёшки поменьше и нежно-розовые раковые «шейки». Аромат бульона, зелени, «душок» костра и еле угадываемый запах алкоголя… М-м-м… Собственно, это «м-м-м» и было всем, что раздавалось за столом после первого, такого долгожданного, и такого простого тоста – «вздрогнули!..»

Первые три рюмки, положенные в любой компании людей в погонах, прошли спокойно – люди насыщались. И несмотря на то, что это было продолжением, так сказать, банкета, аппетит у всех проснулся зверский. Я несколько напряжённо ожидал именно третьего тоста, так как иногда он сопровождается в таких компаниях каким-то… Излишним пафосом, что ли?.. И я почему-то сразу начинаю чувствовать себя неудобно. Но нет – выпили не чокаясь, но и не вставая и без ненужных речей. За этим столом знали, за что пьют. Галка, правда, помянула по матери «клятую речку». И даже всплакнула. Но вполголоса, тихо. И Филиппыч, против обыкновения, никак на неё не отреагировал, а, глядя в стол, молчал…

У семьи Филиппыча был свой ритуал вкушения ухи – они с Галиной добавили в свои миски по большущей ложке местной, домашней, аж бежевой на цвет сметаны. А Лёха удивил ещё больше – в жирную, донельзя наваристую похлёбку положил ещё и приличный шмат чуть подтаявшего масла. Ел обстоятельно –

локтями по-хозяйски на стол, аккуратной горкой складывая ломаный кусочками хлеб. Галка постоянно всем подкладывала и, казалось, что миски превратились в какие-то волшебные «непроливайки». Наконец, народ издоволился и стал откидываться на спинки. И тут Галина, гордо подняв палец, провозгласила:

– На курьином бульоне!.. О!!!

– От бисова баба!.. Уха ж!!! – Филиппыч в сердцах аж ложку швырнул, – 3 рыбы!.. Утюхала-таки… Куру!!!

– Две!.. – и Галина для пущей убедительности растопырила перед самым его носом два пухлых пальчика.

– Всё… Двойня, – невинно хлопая глазками обронила Наталья. И поймав на себе непонимающие взгляды окружающих, так же невинно и объяснила, – Двойня будет. Раз два раза-то втюхали.

«Филиппычи» мигом порозовели, а за столом все покатились со смеху. Совсем чуть-чуть погодя к нам присоединилась и Галка, а Филиппыч недовольно сопел… хитро и довольно улыбаясь. И – понеслась!

Надежда навыдумывала каких-то шарад с фантами, и все фанты были с театральным уклоном – обязательно нужно было кого-то или что-то изобразить. Потом этот театр превратился и вовсе в театр абсурда – девки поотнимали у нас шмутьё, и, нарядившись мужиками, стали лепить из нас баб. Вульгарных до омерзения, так как косметики своей они на нас не жалели! Наталья, сидя у подведённого и подкрашенного Лёхи на коленях, льнула к его чудовищному «бюсту», сооружённому из тряпья и перекрученного полотенца, и томно сокрушалась, что до сих пор совершенно не понимала лесбиянок. Потом мы с ней оторвали какую-то абсолютно разнузданную джигу, причём я за ней безбожно волочился, уже ничего не боясь, а Алик наблюдал за мной, вылупив глаза, ещё ничего не понимая… В довершение всего вся эта банда сплясала под «Всё могут короли» форменный танец дикарей. Особенно импозантен был Филиппыч – в веночке, с накрашенными губами, и в Натальином льняном сарафане, расстёгнутым практически до пупа!.. Пару раз за время этого балагана Лёха срывался на террасу на противный зуммер оперативного телефона – лично принимать доклады. Пару раз крутить ручку телефона ходил и Филиппыч – передавал на кордон какие-то очередные Лёхины соображения. Наконец-то на улице просигналил УАЗик, и вся толпа, одновременно заорав не то «Юр-а-а-а!!!», не то «Ура-а-а!!!», ломанулась наружу.

Оказывается, дождь уже кончился, и давным-давно рассвело – только тучи мешали об этом догадаться. Сейчас же они рваными

клочьями стремительно разлетались во все стороны горизонта, так же стремительно тая на глазах. Отъезжавшие в расположение бойцы и водитель Кирюха рассматривали представших перед ними командиров приблизительно с таким же видом, с каким Филиппыч следил за исчезновением водки в баклаге с ухой. Юра же обозревал всех с явно притворным осуждением и сокрушённо качал головой. Его затащили на террасу и усадили в угол – прям на усыпанный крапивой парапет. Он был до невозможности красив – без фуражки, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами и в «распятнёнке» с расхристанным по плечам воротом-капюшоном. Туда бы ещё тельник, в ворот-то – вылитый был бы морпех. На комбез была наброшена самострочная «разгрузка», из многочисленных карманов которой торчало невиданное количество снаряженных рожков. На коленях – пока ещё не очень привычный «калаш» АК-74. У правой ключицы матово отсвечивала гранатка РГ-42. У левой, рукояткой вниз – «нож разведчика» НР-60. На пузе, в расстёгнутой кобуре – воронёный «макар». Рэмбо!..

Юрка закурил Лёхин «беломор» и, обведя собравшихся взглядом, только было открыл рот, но Лёха перебил:

– Девчонки, зябко… Идите в дом, – и добавил в чуть обиженные глаза супруги, – Надюш, мы щас… Перекурим только, – потом снова огляделся и сказал уже Филиппычу, – Вань, развлеки пока дам – мы скоро.

И всё. Сначала жены, а теперь и старшина спокойно и без всякого выпендрёжа ушли, и сразу стало понятно, что мы оказались на строевом собрании офицеров, объявленном спокойно, без надрыва и абсолютно в соответствии с субординацией. Мы с Олегом тоже потянулись было к двери, но были остановлены Лёхиной открытой ладонью – властно, но без нажима. И приглашающий жест Юрке – мол, давай.

– Так во-о-от… Дежкаром сегодня подполкаш заступил. Из артполка, – начал Юрка и обратил взгляд на Лёху.

– Чмо – гнус и пьянь, – выдал Лёха исчерпывающую характеристику и Юрка продолжил:

– Припёрся он под утро на кордон – «инспектировать объект повышенного внимания»…

– Вмазать на халяву, да на баб поглазеть. А доведётся – и пощупать, – вставил Лёха.

– Да-а-а… Припёрся уже датый. Хорошо датый. С КАМАЗом десанта… Восемнадцать рыл с прапором во главе. Чуть не вся бодрствующая смена со всех постов гарнизона. Красавцы… – сладко улыбнулся Юрка, – Банда, – всё так же сладко и без тени осуждения продолжал Юрка характеризовать прибывших на

кордон десантников, – Рукава засучены, стволы наперевес… Береты на затылках не пойми, как держатся – будто гвоздиками прибиты!.. Ну, и понятно, тельники до пупа. Трое после Афгана. Дослуживают по ранению. Прапор тоже за речкой побывал. Короче, приехал этот подполковник и давай на кордоне права качать. Шлагбаум ему подними!.. Наши – ни в какую. Артиллерист, мать его! А прапор уж в мыле весь – десантура потихому по пляжу-то разбрела-а-ась… Наши ему резонно вполне – никаких распоряжений, мол, по поводу вас не поступало, а комендатура тут не указ – погранвойска мы, комитет. Да, Лёш, ребят отметить бы?..

Лёха согласно прикрыл глаза и Юрка продолжил:

– Плюнул, значит, артиллерист. Понятно, пообещал всем нашим триста лет дисбата на всех, и дунул за десантом. Что там точно случилось, не понятно пока, но внутреннее расследование… Это как минимум, – подчеркнул Юрка, – Будет. Установят. То, что артиллерист по кострам пошёл, это и с кордона было видно. А вот десантники, впятером, далеко оторвались – метров за сто пийсят-двести. А там – с местными, видать, завелись. Может, бухло не поделили… Может, баб?.. Да не думаю я, чтоб они буром-то попёрли. Ну, приобняли кого… Не без этого. А как не приобнять-то, если они в чём мать родила туда-сюда шастают?.. Пацаны ж ещё, хоть и афганцы. А то, что афганцы-то – ещё хуже, поди. Обезбашенные… без тормозов. Да и вообще соплячьё, из казарм сорвавшееся!.. С оружием. Аборигены, говорят, колья-луки-стрелы похватали – и на них. Взяли их в кружок и пришлось им туго там – сурово они там рубились. Ну, местных, понятно, больше. Тут ребята в воздух шмалять и начали. И всё равно, если б вся хевра их им на выручку не рванула, да местных мордой в песок не поукладывала, сами б не вырвались. Избитые страшно. Но все до единого потом в гарнизон уехали. А местным менты – потом уж – три скорые вызвали. Три!.. Сам через кордон пропускал. Так что они там, видать, затыльниками «калашей» тоже неслабо помахались.

Юрка прикурил потухшую «беломорину» и со смехом продолжил:

– А пока, значит, десант своих-то выручал, – Юрка всё время прихахатывал и еле мог говорить, – местные… в глубоком-то тылу… артиллеристу нашему… тоже… е…ло начистили! И грамотно начистили – сам проверял. А рядом с ним и прапора не было – тот своих в кучу сгонял!.. – Лёха с Юркой уже гнулись, умирая от смеха, а мы с Олегом только неуверенно улыбались. Чё они так радуются – нашего, вроде, били-то?..

– Он там кобуру лапать начал. Так местные пистолет-то

отняли и к нам… ну, в сторону кордона… закинули! Ну, бойцы говорят, он за ним и дунул!.. С разбитой рожей-то. А как же?!! Трибунал!!! Да, Лёш, менты потом из местных похватали кое-кого. Включились, в общем. Но уж после того, как десант сам отбился. Тоже явно избитых похватали-то – стало быть, участвовали. Ну, меня уж высвистали к тому времени. Приезжаю. Мразь эта пистолетиком своим размахивает и требует, чтоб его с кордона выпустили. Бобик его уж заведённый стоит. Под фарами. Десант… Его же десант-то! Ещё и в запретку не втянулся – с местными бьётся. А этот, вишь, уже лыжи смазал!.. А как его удержишь? Сами ж его на ту сторону шлагбаума не пустили. Короче, водила его задом сдаёт… ну, разворачивается… чтоб назад, в гарнизон. Так бойцы… Митрохин и… Харченко, сержант. Встали: один перед радиатором, второй – позади бобика. И автоматы на взвод. Не, Лёш – поощри ребят. Весь наряд с кордона поощрить бы надо. И тревожников…

– Ну, сказал же уж! Ты мне рапорт подробный к отъезду подготовь. В двух экземплярах. Про артиллериста – по-подробнее. Я ещё кое-кого поощрю… Завтра. Хотя какой «завтра»? Сегодня уж. Ребят вот повезу сегодня, и по дороге в особый отдел заскочу. Поощрим, поощрим, Юр. Всех, кого надо, поощрим.

Они обменялись недобрыми, всё понимающими улыбками, и Юрка продолжил:

– А тут менты приезжают. Секрет от поста ГАИ заранее доложил. Начальство. Зам начальника РУВД. Майор. А с ним ещё два старлея и капитан. На «волге». Не знаю, то ли оповещение у них так поставлено, то ли тоже оторваться приехали?.. Похоже, в общем… Но – как раз под ЧП. Я их тоже перед шлагбаумом стопарю и рассказываю майору, что люди его там сейчас массовый героизм проявляют, но малость обождать надо. Ну, он с расспросами. Сейчас, говорю. Из первых уст. И – к артиллеристу. Так, мол, и так, личный состав ваш минут через десять готов к убытию будет, а вас пока пусть мой фельдшер осмотрит и первую помощь по необходимости окажет. Ну, на это он сразу согласился! Видимо, надеялся, что мы его тут так подлатаем, что перед начальником гарнизона он, как огурец будет. Но разукрасили его – знатно! Как бы швы не пришлось накладывать. Короче, ставлю свой бобик под его же фары. Типа, для облегчения работы фельдшеру…

– Ай, молодца-а-а!.. – восторженно потянул Лёха, с любовью глядя на замполита, – Да тебя самого поощрять надо!!!

– Это – само собой, – Юрка, придуриваясь, выпятил нижнюю губу. И тут же продолжил, – Загоняю в бобик Рымаря с его сумкой фельдшерской, а сам – к майору. Вон, говорю, в той машине

дежурный по гарнизонным караулам сидит, лично пострадавший в борьбе за правое дело на пляжу́. Щас он вам всё и доложит. А у артиллериста нашего мало того, что морда вся разбитая – от него ещё и выхлоп такой, что вокруг мухи дохнут!!! От майора, конечно, тоже чуть попахивало. Ну, так у него ж праздник, как никак. Да и с нашим-то артиллеристом – ну, никак не сравнить. Полез майор в бобик. А я – к вертушке и в комендатуру доклад. Сухо так. Самую суть. Тут дежурный по комендатуре трубку начальнику гарнизона передаёт – он там уже! И комендант тоже. Ну вот, начальник гарнизона у меня всё и выспросил. Про подполковника-то. В деталях. Затем поблагодарил даже. Фамилию-звание мои записал. Давайте, говорит, его сюда уже. Да побыстрее. Десантура уж околемалась и в КАМАЗе сидит. Ну, я их и отпустил. С артиллеристом. Но майор его, видать, здо-о-орово рассмотрел. И обнюхал. А тут и скорые подъезжать начали – сначала одна, потом две сразу. По слухам, есть тяжёлые у них. Как дождь начался, я шлагбаум – в гору. В обе стороны. Частников с пляжа рвануло – мрак!.. Тут-то латыши за всю ночь в первый раз наших погранцов и увидели – на шлагбауме. А из двухсот четырнадцати машин к моему отъезду на пляже всего шестьдесят восемь оставалось – в них самые стойкие гуляки прятались. Кто пешком прибыл, те через дюны пришли. Мимо нас, мимо зоны, то есть. Так же и возвращались. Менты тоже поначалу со всем потоком намылились задержанных развозить. Ну, я майору говорю – давайте под занавес совместное патрулирование с вашими людьми проведём? Чтоб не упустить чего. А там уж и по домам можно. Толковый майор, грамотный – двумя патрульными группами весь пляж прошли. Одна вдоль сосен, вторая – по урезу воды. А потом уж он сам там ими командовал, кому уезжать, кому оставаться. А погранцов наших, что службу правим, таким образом, на всём пляже видели, а во время заварухи, как Борька Нестеров скажет – ни-ни!.. Вот и всё, командир.

– Ну, и молодца! – подытожил Лёха, – давай в парную. Пока не простудился.

Юрку от дверей под белы рученьки ухватили девчонки и потащили париться. Там, в парной, он и раздевался, а Натаха влетала туда за его шмотками, неизменно настежь распахивая дверь, и Юрка визжал, как застигнутая в неглиже девица. Лешка уселся на его место и, задумчиво раскачиваясь, продекламировал:

– Голова, как дульный срез.

В голове – один нарез.

Под фуражкой – ветра свист…, – и, помолчав, закончил как-то неожиданно не совсем складно, – Ну, и пи…дец тебе,

артиллерист!

– Лёш, но ведь завёлся-то десант…

– А ты что, хочешь, чтоб на пацанах этих отыгрались? Кому полгода-год до мамки осталось?.. Да, может, и отыграются ещё. Слыхал, среди латышей-то и тяжёлые есть. Вполне могут дело завести. И если докажут чего, то и привлекут. Слава тебе Господи, не пристрелили никого. Но майор этот местный точно знает, что командование у них – пьянь подзаборная. А в армии кто за всё отвечает? Командир!

– Так командир-то у этих пацанов – не подполковник. Прапорщик у них командир.

– Да не переживай ты так за справедливость-то!.. Расследование по любому будет. И прапор твой по любому всплывёт. Тот же самый артиллерист его с дорогой душой и вложит. Оно ему надо – одному за всех париться-то!.. А он – говнюк. И получить должен по полной. Он и так уж года четыре, как в кадрах-то перехаживает.

– Как так?

– Четыре года назад было учение у нас тут. Чуть ниже, правда. Высадка морского десанта. Ваши морпехи. Из Мамоново. Они были в составе «Южных». А среди них, считай, только флот и был. Ну, и десантуры малость. Каунасской. А наш артиллерийский полк – в составе «Северных». И обеспечивал он, понятное дело, огневое противодействие десанту «Южных». Гнус этот тогда майором был. И попёрся он из зоны учений. Да ладно б домой – к бабе попёрся. Когда склеил-то?.. С води-и-ителем! На маши-и-ине!.. Ну, ваши диверсанты флотские… С Парусного, вроде… Его в лесу и свинтили. И антенной от радиостанции по рёбрам высекли. Так вот, по слухам, посредники тогда «Южным» присудили успех, потому как разведданные у них по организации противодесантной береговой обороны отменные были. Огневые точки все, понятно, условно подавили и – уря, победа! Козлу этому подполковника на два года задержали. Залётов у него – и по службе, и так… И всё – по пьяни, да с бабьём. А ведь всё равно, гляди – подполковник!..

Он и ко мне в хозяйство являлся. Дружить. С бабьём опять же, с бухлом. В нашей этой самой баньке попариться. Да на лесном озере. И не один раз.

– И чё?

– А ничё. Раз дальше поста ГАИ не пропустил. Я и не видел его – мой секрет у них машину реквизировал, а всю хевру его пинком под зад с зоны выпер. Он ещё орал, чтоб мне доложили, кто на самом деле сюда едет-то. Машину потом в отряд наш перегнали, и что там сталось, я и не интересовался. А в другой

раз лично с тревожной группой выехал, свинтил их всех на границе зоны и в наш особый отдел сдал. С тех пор не совался больше.

– И решил ты его, Лёша, теперь окончательно добить и в народное хозяйство сплавить. Так что ли?

– Да кто ж его выгонит-то? У нас горазды только лихих пацанов увольнять!.. А говно… Оно вечно… всплывает. И кто сказал, что сразу гнать надо? В Забайкальском округе, к примеру, целый подполковник – во, как нужен! – и Лёха весело рассмеялся.

– И всё-таки, Лёш, наши же виноваты-то.

– А я тебе что говорил? Наши же накосорезят, а Лёха – расхлёбывай!.. – и он с размаху двинул меня кулаком в плечо. Приласкал, стало быть.

Юрка уже доедал свою порцию ухи через частые стопочки – чтоб от коллектива не отставать. А Натаха – её энергии можно было только позавидовать – вытащила-таки девчонок выкупаться в озере. Они там орали и визжали на весь лес, а мы все по одному за ними подглядывали, за что они в нас шишками швырялись. Через костёр, правда, попрыгать не удалось им – хоть угли его ещё и дымились, но развалились они по земле диаметром метра в три аж. Как по новой все собрались в баньке, немножко попели – Юрка, оказывается, здорово на гитаре играл. Причём на семиструнной – редкость. А тут и Кирюха приехал и всех нас в два эшелона в расположение перевёз. Лёшка распорядился с собой забрать только спиртное, а сам бродил по бане, шепча губами и загибая пальцы – считал бойцов в нарядах. Потом долго мучился, как бы поестественнее «забыть» в бане противогазную сумку с восьмью бутылками курземского пива, и, в конце концов, просто бросил её на террасе под лавкой.

А ближе к вечеру того же дня мы подъезжали к воротам судоремонтного завода в Тосмаре. Лёшка послал Кирюху на проходную, чтоб нам открыли ворота. Но остановиться велел метров за двадцать до трапа – чувствовалось, что он не очень-то уютно себя ощущает среди одних флотских в своей зелёной форме сухопутного служаки. Мы уже обменялись всеми мыслимыми и немыслимыми адресами и телефонами, и куда только друг друга не пригласили – вплоть до Барнаула, Питера и Москвы!.. А он всё стоял поодаль и, чуть склонив голову, наблюдал, как сновали туда-сюда по трапу матросы по своим ремонтным делам, каждый раз отдавая кормовому флагу честь. Услышав короткую флотскую команду по палубной трансляции, он как-то даже подавался к ней ухом вперёд и коротко поводил подбородком – типа, ишь ты… – при звуках предваряющего её горна. Видно было, что всё это ему очень нравится, и в глазах его

читалось – «порррядочек!..». Но обернувшись к нам, широко улыбнулся и сказал:

– Ох, и суетно тут у вас!.. Шумно…

Лёшка уже уселся на правое сиденье УАЗика, как Кирюха вытащил из него огромную, укрытую полотенцем корзину, и, поставив её на причал, рванул со всех ног за руль. Плоды «охоты-рыбалки». И возражать было бесполезно. Да и некому – УАЗик уже стремительно удалялся к проходной.

Сначала мы собирались к Лёшке чуть ли не на каждый выходной. Потом стали подгадывать под «длинный» сход. Потом – на какой-нибудь большой праздник. Потом – по пути в отпуск. Или по пути обратно. Но так ни разу и не собрались. Нет, сидя по ночам в нарядах, мы постоянно созванивались с ним по оперативному телефону – уж позывной-то на всю жизнь врезался! И он неизменно звал к себе, передавая приветы от всех «своих».

И вдалбливал нам в головы, что приезжать можно вообще в любое время, так как не застать начальника заставы на заставе – немыслимо. О том, что ему дали-таки майора, мы узнали в Балтийске. О том, что квартиру – уже в Гданьске. Дали почему-то в Елгаве, и Лёха сокрушался, что Надежда уехала обустраивать гнездо, и он её месяцами теперь не видит – какие ж выходные у пограничника-то, да ещё начальника заставы?..

Позже, валяясь в Ростовском эвако-госпитале, я узнал от приехавшей из Москвы жены, что звонил какой-то Лёша из Прибалтики. И что он тоже лежит в госпитале. И ждёт решения военно-врачебной комиссии на демобилизацию. Алик в это время уже торчал в Таллиннской дивизии ОВРа с кучей проблем и при отсутствии всяких перспектив. Так и не собрались.

А вспоминаю я его в последнее время довольно часто. Как ему там вообще живётся-то? И в какой квартире? И на какие деньги? В новой-то и независимой Латвии – бывшему чекисту-закордоннику, который так старался постичь душу коренного латыша?..

Мы наступали с первых дней

Разноголосица последних десятилетий о начальном периоде Великой войны, начавшись с постперестроечного «плюрализма мнений», докатилась до форменной поножовщины, происходящей отнюдь не в подворотне. Всё это безапелляционно несётся со страниц и экранов СМИ из уст «крупных» знатоков истории и с не меньшей безапелляционностью присутствует в интернете с лёгкой руки абсолютных в ней профанов.

Оговорюсь сразу: реанимировать здесь точку зрения официальной советской науки и так же безапелляционно объявлять её единственно верной – не моя задача. Я хочу рассказать всего один эпизод самого начала войны с учётом, как говорят профессионалы, «вновь открывшихся обстоятельств».

Мы отступали? Да. Но читая некоторых авторов, создаётся полное впечатление, что Рабочее-Крестьянские Красная Армия и Красный Флот, деморализованные с первых же часов войны, едва ли не бегом покатились на восток, не оказывая никакого сопротивления. 16 октября 41 года москвичи в мыслях уже сдали столицу, а в ночь на 6 декабря вдруг произошло «чудо» и мы перешли в контрнаступление, вчистую выиграв битву за Москву! Ну, чудо-не чудо, но произошло это, со слов некоторых «историков», только благодаря сложившейся к концу года антигитлеровской коалиции, начавшимся массированным поставкам по ленд-лизу, отменным разведданным из стана западных держав и Рихарду Зорге, предупредившему с японских островов, что Япония в войну не вступит. Что позволило оперативно перебросить под Москву 40 свежих дивизий амурцев и сибиряков.

40 дивизий.

А ведь пять месяцев назад на наших западных границах, от Белого моря до Чёрного, выросли, как из-под земли, 156 дивизий вермахта и германских стран-сателлитов. А это более, чем в полтора раза превосходило количество дивизий НАТО в самые напряжённые моменты холодной войны во второй половине прошлого века! И вот эти «выросшие» 156 дивизий в едином броске пересекли границы СССР и устремились в глубь наших территорий. Потому что оба гитлеровских плана – и «Отто», к осуществлению которого Германия должна была приступить 14 мая, и он же, превратившийся после доработки в план «Барбаросса», к осуществлению которого и приступили 22 июня – предусматривали только один метод ведения войны – блицкриг.

А отступали мы – пять месяцев. И ногой не от Урала

оттолкнулись, несмотря на всю красоту этой поэтической аллегории, а от Москвы. Пять месяцев – это блицкриг?

Сейчас полно версий. И разведка у нас была плохая, а мы к войне были просто не готовы. И разведка была отличная, но Сталин ей просто не верил. И техника у нас из рук вон, и винтовка одна на взвод. Да вы вдумайтесь в цифру – 156 дивизий! Это – сила. Удар. А удар останавливают только ударом. Лучше встречным. А ещё лучше – упреждающим. А вот его-то и не было. Всё было – в западных округах были сформированы танковые корпуса и в них уже поступали Т-34, аналогов которым тогда у немцев и близко не было. И аэродромы передового базирования с дальними бомбардировщиками ДБ-3 и «ишачками» И-16, проигрывавшими «Хенкелям» и Bf ам – легендарным «Мессершмидтам»-109 – только на вертикалях. И винтовок – наших-то мосинских трёхлинеек! – завались было. Больше того – уже перевооружались с пистолет-пулемётов Дегтярёва (ППД) на ППШ Шпагина. Не заново создавали, не доставали невесть откуда, а перевооружали, уже имея… не успев закончить процесс. Сталин тянул, как мог, надеясь на мирный договор с немцами и стараясь выиграть если не месяцы, то хотя бы недели. Не успели. В чистой обороне остановить натиск 156-ти дивизий так, чтоб ими был утерян наступательный порыв, остановить и опрокинуть вспять – невозможно. И потому – отступили. Отступили по всему фронту. Отступили, сами себе удивляясь, ибо ворошиловское «бить врага малой кровью и на чужой территории» слишком крепко вбили в мозги.

А как отступали-то? А вот как. Северный флот. Самый слабый флот СССР того времени. Немцы терпят неудачу на кандалакшском направлении и переносят наступление на Мурманск, где продвигаются на. 4 километра! За всю войну!!! И всю войну Мурманск принимал морские конвои союзников с грузами по ленд-лизу.

Ленинград. Окружили же! А город, в полном окружении, стоял и сражался. 900 дней блокады. И даже окружив его, дальше Тихвина немец так и не прошёл.

Брест. Брестская крепость дралась четыре месяца. Фронт ушёл на восток, а она дралась. За каждый капонир. За каждый каземат.

Центр. Москва. 16 октября немец уже на пороге. Но ведь на юге в этот же день только-только пала Одесса после 73-ёх дней осады! А впереди ещё Севастополь и его беспримерная оборона в 250 дней! Да, на юге немцы прошли далеко. Очень далеко. Но не в 41-ом. Позже. Когда Гитлер отказался, наконец, от политических эффектов с Москвой и Ленинградом и начал войну

за экономические ресурсы – за земли Украины, Кубани, и за кавказскую нефть.

А тогда, 22 июня 41 года, под первыми бомбёжками, Командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский назначил на 25 июня. наступательную операцию!!! На базу немецкого флота в румынском порту Констанция! С задачей – не больше не меньше – взломать артиллерийскую оборону порта и уничтожить его нефтехранилища. А в случае успеха обеспечивать корабельной артиллерией поддержку последующего десанта в устье Дуная! Развитие наступления с этого плацдарма в южное «подбрюшье» Рейха обеспечивало, по расчётам Октябрьского, победу СССР в начавшейся войне в течение двух-трёх недель. Где, с кем он согласовал данную операцию, историкам доподлинно неизвестно до сих пор – ведь Сталин до 8 июля буквально пропал решительно для всех.

И ведь никому это не казалось невозможным! 2-ое Черноморское Военно-морское училище только что произвело свой первый выпуск, но война заставила выпустить лейтенантами не только выпукников-четверокурсников, для которых форма и снаряжение флотских командиров были приготовлены заранее, но и младшими лейтенантами – третьекурсников. И если командирской формой их худо-бедно, но обеспечили, то вот снова введённых в 39 году флотских кортиков на них заказано не было. Незаслуженная обида гасилась уверенностью, что максимум через месяц они в немецких и румынских кортиках щеголять будут! А они у них – страсть, как хороши!..

Почему? Да потому что «малой кровью и на чужой территории» – это была аксиома, не требующая доказательств!

Уважаемые поклонники теории нашего «тотального отступления» до Москвы – а ведь первый этап задуманной операции был осуществлён!

Но переоценка противника, хотя и при полном отсутствии страха перед ним, и режим повышенной секретности сыграли с адмиралом плохую шутку.

Во-первых, то, что итальянский флот или уже, или вот-вот пройдёт Босфор и войдёт в Чёрное море – это даже не обсуждалось. Ну, в самом деле, кто его скуёт от Гибралтара-то – какие-то англичане, которых год назад вышвырнули из Европы вместе с союзниками-французами? А значит, вот кто главный противник. А итальянцы – это линкоры и подлодки.

Надо сказать, что Черноморский флот на тот момент в совокупной мощи Балтийскому хоть и уступал, но имел в своём составе куда больше крейсеров различных проектов. Рейдерство для них исключалось – не Средиземка же и, тем более, не

Атлантика – в Чёрном море не разгуляешься. Да и результат артиллерийской дуэли с линкором печально предсказуем. Значит, исключительно операции в ордерах под охраной эсминцев. Сразу оговоримся, что, кроме 6-ти сверхмалых подлодок 10-ой флотилии МАС итальянских боевых пловцов под командованием князя Боргезе, никаких других итальянских кораблей в Чёрном море не было всю войну.

Второе: итальянские подлодки – якобы не единственные на Черноморском театре. Разведданные сообщали, что немцы перебрасывают сухопутным транспортом три разобранные подлодки – U-19, U-21 и U-22 – которые должны быть собраны и спущены на воду не то в болгарской Варне, не то в самой Констанции, где и будут базироваться. Кстати сказать, осенью 41 – го так и произошло, но командование флота было уверено, что они уже здесь.

Третье. Видимо, Октябрьскому не давала покоя слава адмирала Колчака, который, будучи флагманским минёром Балтийского флота, 31 июля 14 года, за сутки до начала I Мировой войны, не докладывая ни государь-императору, ни даже Командующему Балтфлотом адмиралу фон Эссену, завалил Финский залив минами. Немцы, намереваясь буквально с объявлением войны сходу ворваться на причалы Кронштадта и Петербурга, сразу же потеряли пять своих новейших эсминцев проекта Z-V и в дальнейшем от планов захвата Петербурга отказались. Но Колчак сам вышел в море вместе с вверенной ему дивизией миноносцев и имел по окончанию операции точную карту минных постановок. Да и акватория у него была поменьше. А у Октябрьского – от Одессы до Батума. Минных заградителей катастрофически не хватало, и были привлечены любые плавсредства вплоть до буксиров – на баке им устанавливался крупнокалиберный пулемёт, а на палубе в срочном порядке наваривались минные «дорожки». Аттестованным, как командир корабля, был, как правило, только капитан судёнышка, в то время как экипаж так и оставался гражданским. Уверенности, что эти «минзаги» установят минные банки в точном соответствии с выданными им штурманскими прокладками, не было никакой. Что в будущем косвенно и подтвердилось.

СССР до последнего дня продолжал поставки Рейху промышленную и сельскохозяйственную продукцию по заключённым договорам, и те сухогрузы и наливняки, что выходили из портов Болгарии и Румынии – союзников Германии – до первых часов 22 июня, прибывая к родным берегам 23 числа и позже, нередко подрывались в собственных акваториях. То же самое происходило и с прибывающими от Босфора. Немало судов

погибло. Карт советских минных постановок у них, естественно, не было, и не могло быть. И, несмотря на то, что добравшиеся из Болгарии и Румынии докладывали, что не заметили активности немецкого флота, а из Турции – итальянского, было решено, что суда подверглись массированным атакам вражеского подводного флота. Ведь в то время взрыватели торпед и мин были преимущественно контактными, и эти гражданские «штафирки», подрываясь на минах, понять, что они не торпедированы, были просто не в состоянии. По количеству потерь был сделан умозрительный вывод, что на Черноморском театре действует не менее 15-ти итальянских, румынских и немецких подлодок. После войны было документально установлено, что в тот период на боевом дежурстве находилась одна-единственная румынская подлодка под командованием капитан-лейтенанта Корнелиу Лунгу.

Напротив, подлодки Черноморского флота с началом войны ушли в боевые походы на траверзы Констанции, Варны и Босфора и на связывающие их коммуникации. К 25 июня ни одна из них ещё не могла вернуться в базы, тем более, что у командования была крепкая убеждённость, что «работы» у них предостаточно.

Гражданские же корабли после начала войны возвращаться в порта приписки перестали – в Турции их экипажи отделались интернированием, а вот интернированные в Болгарии и Румынии, в конце концов, оказались в концлагерях. И хоть какая-то информация о вероятном противнике поступать перестала. Что, как ни странно, укрепило командование Черноморского флота в уверенности, что крупные силы итальянского флота уже здесь. Ежедневно в поисковые рейды вылетали торпедоносцы и, не находя противника, сбрасывали торпеды абсолютно впустую – садиться с бомбовым (да и любым другим) калибром боеприпасов категорически запрещено.

А вот об авиации противника было известно не всё, хотя она-то, в отличие от флота, как раз действительно была. В Румынию, перед самым началом боевых действий, в дополнение к многоцелевым бомбардировщикам «Юнкерс»-88 был переброшен после операции в Греции и на Крите полк знаменитых в будущем пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс»-87 по прозвищу «штука». Укомплектованный ассами точного бомбометания по морским целям.

В этой обстановке и началось формирование ордера кораблей для рейда на Констанцию. Флагманом перехода был выбран лёгкий артиллерийский крейсер «Ворошилов». Для авангарда и охранения флагмана – лидеры эскадренных миноносцев «Харьков» и «Москва». Для арьергарда и охранения флагмана с

тыла – эсминцы «Сообразительный» и «Смышлёный». Надо сказать, что русская школа постройки эскадренных миноносцев со времён создания легендарного «Новика» императорского ещё флота была великолепна – «Новик» на максимально возможном ходу свободно мог идти по минным полям: задевая форштевнем взрыватель мины, он проносился над ней, но линия задержки подрыва боезапаса мины была настолько велика по времени, что она рвалась за кормой эсминца в его кильватерной струе. Отличными показателями скорости хода обладали и все четыре отобранные для операции эсминца. Кроме того, каждый из лидеров эскадренных миноносцев мог вести под своим командованием ордер эсминцев, имея сопоставимую с ними скорость хода, при более сильном, по сравнению с ними, вооружении. Но ставка была сделана не на скорость и маневренность, а именно на крейсерскую огневую мощь – задачей было совокупной мощью артиллерии эскадры стереть Констанцию с лица земли. На госиспытаниях «Ворошилов» показал скорость хода в 36 узлов, но это – его максимально возможный ход. Поэтому он ожидаемо снижал скорость хода всего ордера в целом. К тому же он имел и «заводской дефект» – дифферент на нос 0,5–1,5 метра, который по мере выработки топлива только увеличивался.

Кроме того, за трое суток боевых действий отдел кадров флота просто не успел доукомплектовать экипажи отмобилизованными новобранцами и практически все корабли имели недокомплект личного состава. Для «Москвы», например, 18 краснофлотцев уже находились в Учебном отряде, но из соображений секретности их решили зачислить в экипаж после операции, когда можно будет начать их обучение военно-учётным специальностям без предпоходовой суеты.

25 июня, в 20.10, лидеры «Харьков» и «Москва» в обстановке полного радиомолчания и светомаскировки вышли из базы и взяли курс на Костанцию, следуя экономичным ходом в 18 узлов. Их задачей было произвести на подходе к порту разведку боем артиллерийских батарей береговой обороны. После чего к их уничтожению подключится и группа кораблей огневой поддержки, находящаяся восточнее входа в порт, в лице флагмана и эсминцев охранения. В 22.40, уже в полной темноте, из базы вышел «Ворошилов» в сопровождении двух эсминцев. И всё сразу пошло не так. Все корабли ордера побортно были оборудованы параванами для защиты от якорных мин. «Смышлёный», следовавший замыкающим, выходя за пределы минного заграждения охранения базы, зацепился параваном за грунт. Что на самом деле произошло, в полной темноте разобрать было

невозможно, и «Сообразительный» застопорил ход, ожидая «товарища». «Ворошилов» же, напротив, дал ход в 28 узлов, догоняя ушедших далеко вперёд лидеров эсминцев. Видя это, «Сообразительный» тоже дал ход. Таким образом, ещё не приступив к выполнению приказа, ордер стал слабее на один эскадренный миноносец. Но и «Сообразительный», пытаясь догнать крейсер, так и не нашёл его в темноте. И сам крейсер потерял оба лидера и до такого, как начало рассветать, шёл без охранения вовсе. В утренней дымке корабли нашли друг друга и восстановили строй ордера, после чего оба лидера пошли на сближение с портом. И тут «Москва» обнаружил подводную лодку, которую вынужден был атаковать, тем самым обнаружив и себя – батареи береговой обороны первыми открыли огонь. Выяснять, уничтожена она или нет, было некогда и оба лидера, немедленно увеличив ход до 30-ти узлов и выполняя противолодочный зигзаг, пошли на сближение с береговыми батареями противника. И оба в этой гонке потеряли свои противоминные параваны. Однако они нанесли серьёзнейшие разрушения порту и батареям, выпустив 350 130-ти миллиметровых снарядов. Но их раннее обнаружение дало возможность четырём румынским эсминцам сняться с якорей и направится к выходу из порта для организации противодействия и погони. Поэтому лидеры, дав по правому борту дымовые завесы, ушли влево под 90˚ поворотом «все вдруг» и пошли на сближение с кораблями огневой поддержки. И тут сигнальщики с «Харькова» заметили кильватерные следы двух торпед, двигающихся по направлению к «Москве», и тут же раздался страшный взрыв, практически разломивший «Москву» в районе полубака пополам. Кормовая часть стала загибаться вперёд, а носовая – стремительно погружаться. Вскоре кормовая часть поднялась над водой и с «Харькова» ясно стали видны всё ещё крутящиеся гребные винты. Передав о случившемся на крейсер, «Харьков» пошёл на сближение для спасения экипажа «Москвы», но тут же попал под огонь уцелевшей береговой батареи и – что было самым страшным – под штурмовку поднятыми в воздух «штукарями»! Ход его упал до 6-ти узлов и он стал уходить из-под огня, получая всё больше и больше повреждений. Кинувшийся ему на выручку «Сообразительный» прикрыл его отход от самолётов, подавил огнём батарею и взорвал-таки точными попаданиями нефтехранилища порта – первая часть боевого распоряжения Командующего была блестяще выполнена силами трёх эсминцев даже без всякого участия флагмана!!!

Но и сам «Сообразительный» вынужден был уходить, как ни тяжело это было. Но, во-первых, по боевой тревоге и при

следовании в ордере команда «червь» («человек за бортом!») не выполняется. А, во-вторых, он действительно следовал в ордере – впереди был уже едва различим стремительно удаляющийся силуэт «Ворошилова», кораблём охранения которого «Сообразительный» и был. Оказывается крейсер, тоже получивший небольшие повреждения от «штукарей», доложил обстановку в базу и Октябрьский отдал ему приказание немедленно возвращаться в Севастополь – видимо, вполне осознавал, что потерю двух кораблей, один их которых флагман эскадры, ему не простят.

А судьба экипажа «Москвы» печальна. В месте гибели эсминца собрались четыре румынских эсминца, румынские портовые катера и всплыла та самая румынская подлодка – единственная на театре, осуществлявшая патрулирование подходов к порту Констанция. Матросы с «Москвы», связав несколько пробковых спасательных жилетов, положили на них своего командира, капитан-лейтенанта Александра Борисовича Тухова, потерявшего сознание при взрыве, выбросившем его с ходового поста эсминца, и передали на борт подводной лодки.

Но на одном из катеров оказалось подразделение СС-фельджандармерии под командованием офицера СД. Они стали сортировать спасённых румынами советских моряков, оставляя командиров у рубки, а матросов, связав им за спиной руки тесёмками спасательных жилетов – переводя на нос. Стало понятно, что матросов ожидает расстрел. И они сами прыгнули за борт. И тогда немцы затребовали себе мотобот и стали гоняться за барахтающимися в воде связанными людьми и расстреливать их выстрелами в лицо.

По более поздним свидетельствам румынских моряков-катерников, характер ранений плававших на акватории тел советских моряков говорил: стреляли – в глаза. В пылающие ненавистью глаза.

Командир подлодки сыграл аврал и, загнав оставшихся на палубе людей в люк боевой рубки, дал погружение – так он спас 69 советских моряков. Более трети экипажа!

Капитан-лейтенант Тухов попал в лагерь, трижды бежал, добрался до Одессы и погиб в 44 году в партизанах.

Лодка, которая торпедировала эсминец «Москва», скорее всего, была советской – позже выяснилось, что этот район патрулировала лодка под командованием капитан-лейтенанта Каракая, и на ней о готовящейся операции, естественно, ничего не знали. А может быть, и нет. Но тогда вполне возможно, что эта лодка всё-таки была уничтожена именно экипажем лидера «Москва». Хотя всё равно уже ничего не узнаешь – из того похода

лодка тоже не вернулась…

А вот об Октябрьском память на флоте осталась нехорошая. Он, конечно, не генерал Павлов, который был расстрелян за то, что угробил свою армию. Всю оборону Севастополя адмирал провёл очень достойно, хоть и пободался с сухопутным командованием за общее руководство. Но Севастополь-то немцы брали с суши – вот «сапоги» обороной и верховодили. Но вот в конце её, перед самой уже сдачей Севастополя. Вроде как доложил он в Ставку очень толковый план эвакуации войск и что, мол, сделал уже все необходимые распоряжения и эвакуация идёт согласно плану и полным ходом. И попросил у Верховного разрешения покинуть полуостров до её окончания. И, получив его, вполне официально покинул Крым. А потом выяснилось, что несколько тысяч краснофлотцев – в основном раненых – вывезено не было. А солдаты Манштейна оказались хуже СС – расстреляли всех. И легендарная 35-ая бронебашенная артиллерийская батарея береговой обороны тоже ещё не один месяц дралась. В каждом каземате. В каждой шахте. В каждом коридоре своих бетонных бункеров.

А сам лидер «Москва» – жив. Жив, конечно! В традициях русского флота передавать имя достойного боевого корабля из поколения в поколение. В 70-ых годах прошлого века был на Черноморском флоте крейсер-вертолётоносец «Москва». Нынешний же флагман Черноморского флота ракетный крейсер «Москва» вообще, по-моему, каждому пацану известен…